

Властелина Богатова

Холодная кровь

«Литнет»

2018

Богатова В.

Холодная кровь / В. Богатова — «Литнет», 2018

Вступление в круг жриц предвещало светлое будущее, пока княжна Агна не попала в когти хищника. Но нет, он не убил девушку! Вместо этого его отец — правитель княжества Роудук, решил выдать прятанную в лесах княжну замуж. Но будущий муж холоден к ней, как и его брат, который пытается извести девушку. Если бы только это — чужая воля сжирающая её душу. Видимо, Агна чем-то прогневила богов, и единственный выход — бежать прочь.

© Богатова В., 2018

© Литнет, 2018

Содержание

ЧАСТЬ 1 Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

ЧАСТЬ 1 Глава 1

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Глаза слезились, и Агна почти ничего не видела, только в полумраке туман да светлевшее небо, затянутое рваными облаками, что мелькало сквозь сосновый полог, который покачивался - голова кружилась и слабость одолела. Девушка боялась сбиться с пути или - что ещё хуже - свалиться прямо в гущу папоротника. Вскоре жёлтый свет начал пронизывать лес тонкими нитями, возвещая скорый рассвет, запахло от земли тёплой палой листвой и хвоей. Сколько живёт уже тут, вдали от родного стана, а многих мест окрест и не знала. Агна потёрла пальцы, подышала на них: суконный плащ не грел. Холодно, будто морозы скоро ударят, но до зимы далеко - вон, ещё деревья в зелени, хоть и Грудень во всю силу вступил, и прошёл Родогощь, да отзвучали последние песни во славу плодородия - теперь время для долгих вечерних посиделок в натопленных до духоты избах. Просто Агна отдала слишком много. Воймирко призвал ещё вчера на заре к капищу, Агна даже не предупредила Ерию - верную помощницу, с которой жили они вдвоём, вот уже третья зима подошла, исчезла на целую ночь - неприятностей не оберёшься: Ерия отругает, хотя доверяла ей всегда. Но последний год выдался тяжёлым - Воймирко спуска не давал, и Агна часто ходила к месту силы. Слишком часто, и Ерия затревожилась о ней. Ещё вздумает весточку отцу послать, а тот - не дай Боги! - вернуться потребует. И так волновался, что ушла она далеко с границ княжества в небольшую общину к вольным людям.

Агна посмотрела на свои руки - пальцы дрожали, значит, с глаз ещё не спала марь. Она сбилась с шага, теперь решая, спешить ли? Не пугать же своим видом людей, да и ко всему уже многие не спят, трудясь с утра, ещё примут за нежить, в деревню не пустят. Хоть каждый знал, кто она, а поди, докажи, коли неладное увидят.

Наконец, завиднелись сквозь чёрную чашу проблески воды. До Ледницы - крохотной деревеньки на берегу речушки, которые местные прозвали Полозь - было уже недалеко: на лодке перебраться на другой берег да по излучине чуть - и на месте.

Агна подхватила надетые поверх рубахи длинные юбки, вымокшие в росе - будь они неладны! - посетовав что не надела мужскую одежду для большего удобства пробираться через чащобу, и пошла быстрее. Вырываясь из сумрака, вышла на край холма под ещё тусклый свет, и задержалась, любясь на благодать, что распростёрлась перед ней, даже дыхание застыло в груди: словно в снегу лес, облепленный туманом, в котором скапливалась заря. Он тянулся ключьями к самому берегу неширокой реки, окутывал тонкие сосны, что роняли в воду росу с хвои, стелился по ровной, как сталь, глади, и скудел только к середине русла.

Агна тряхнула тяжёлыми от сырости косами, поторопилась, цепляясь за влажные стволы и колючие ветки. Благо, в обилии света изменения не так были заметны. Скользя по крутому спуску - шею можно свернуть - девушка кое-как добралась до русла - там, где-то в зарослях рогоза, спрятана лодка. Девушка поторопилась туда, продираясь сквозь высокую траву, путаясь в тяжести юбок, думая о том, чтобы поскорее добраться до печи, отогреться и хотя бы немного поспать. В лицо пахло тинной. Громкий всплеск, раздавшийся от берега, и неуправляемое движение прохладного воздуха заставили Агну вздрогнуть. Вглядываясь в высокую стену камыша, она попятилась, намереваясь броситься обратно в чашу, да наткнулась на что-то твёрдое - поймав на уловку, сталь упёрлась в шею, обожгла кожу, как укус змеи, и страх прокатился ледяной крупой по спине.

- Не двигайся, - прозвучал позади приглушённый и такой вкрадчивый, достающий до самого нутра мужской голос.

Оглушённая грохотом собственного сердца, Агна сглотнула, ощущая спиной давящую угрозу. Лезвие исчезло, но шею сдавили жёсткие пальцы, и Агну мгновенно припечтало спиной к твёрдому телу, закованному в панцирь брони - уж она могла отличить.

- Где он? - горячее дыхание обожгло ухо.

- Кто?

- Не прикидывайся дурочкой, - послышалось в голосе раздражение. - Воймирко, где он? Веди меня к нему.

- Нет! - Агна рванулась из хватки, вцепившись ногтями в руку, продирая её, но напрасно - словно из железа вылита. - Пусти!

Забилась яростно, но в ответ её хорошенько встряхнули, как стираную тряпку - грубо и жёстко, давая понять, что лучше вести себя смирно.

- Показывай дорогу, откуда только что пришла, - процедил он сквозь зубы, подобрав косу, потянул и дёрнул сильнее. Взглянуть на напавшего не было никакой возможности. - Иди!

Грубый толчок, и Агна полетела вперёд, ногой зацепилась за корни и неуклюже рухнула на землю, но помочь тот, кто только что грозил отрезать ей косы, само собой не собирался. Тем и лучше - это дало девушке передышку, чтобы осмыслить происходящее. Она зло зашипела и, если бы была дикой рысью, то, наверное, ощерилась бы вся, не собираясь ни о чём говорить, хоть трясло всю от страха. Кто он и откуда только взялся?

Воймирко выдавать она ни за что не станет, и выход был один - бежать. Но куда? Хотя бы потянуть время, чтобы жрец смог уйти. Мысль о том, что его могут поймать, обожгла Агну, словно ядовитым соком, выжигая нутро - особенно остро это ощутила после совсем недавней столь длительной связи со жрецом.

Шуршание травы позади вынудило принять решение мгновенно. В следующий миг Агна вцепилась в траву, рванулась вперёд, подпрыгивая с земли так стремительно, что сама не помнила, как бросилась в рогоз - в воду в тяжёлом панцире воин не решится, хотя этому, видно, было всё нипочём. Даже не окрикнул её. Агна не чувствовала, как лезвие камыша нещадно рассекало кожу - нужно любой ценой вырваться. Слышала, как он приближался неотвратно и быстро, грозно и яростно раздирая камыш прямо за спиной, и даже не спешил, зная, что нагонит. Казалось, жёсткие ручки вот-вот схватят, больно сомнут, и тогда уж точно не вырваться. Он сможет выбить из неё ответ - в этом девушка почему-то не сомневалась.

- Анарэд, она здесь, держи! - услышала Агна ещё один мужской голос, доносившийся откуда-то с реки. Они шли на лодке с другого берега, окружая. Смотреть по сторонам не было ни времени, ни возможности. Под ногами захлюпало. Вырвавшись из пут зарослей, Агна упала в воду кулем, стукнувшись коленями о песчаное дно, погрузившись в стылую, бьющую ледяными родниками воду. Холодная вода окатила лицо, зажимая в животе и перехватывая дыхание.

Громкий всплеск, будто в реку скинули валун, раздался за спиной, и ужас от того, что он сейчас налетит, закрепит руками и полонит, затопил разум, но всё же толкал девушку вперёд, хоть тело почти не слушалось, цепенея от кусачей воды. Дно, наконец, исчезло, и ей таки удалось отплыть. Очередной оглушающий всплеск позади и удар тяжёлой стилой волной в спину накрыли затылок, утопив Агну в холодных недрах. Его руки поймали за лодыжку, дёрнули назад. Грубо и резко. Он обхватил добычу поперёк талии, выдёргивая девушку на поверхность. Агна, судорожно глотая недостающий воздух, захлебнулась, замотав отяжелевшей головой, моргая часто, сбрасывая с ресниц потоки, пытаясь рассмотреть хоть что-то, защититься.

- Дура, утонуть вздумала! - лязгнул гневом голос, что раскат грома.

- Не трогай! - завопила она, слыша его дыхание тяжелое и рваное над самым ухом.

Агна извернулась, упираясь кулаками в его скованную железными пластинами грудь, и оцепенела, не ожидая увидеть пусть ещё не такого зрелого, как Воймирко, но уже не юношу: высокие скулы и тонкий нос, плотно сжатые губы выказывали твёрдость и какую-то мрачность,

волосы, вымокшие от речной воды, налипли на лоб и лицо - было не разобрать их цвет, но они явно тёмные, и глаза какого-то странного оттенка - серые, сумрачные, похожие грозовые облака, обрамлённые мокрыми ресницами. В них невозможно смотреть долго, слишком жёсткий и холодный взгляд, дробящий на части. Воин не был збрутичем - явно пришлый с других земель. Ладонь его вдруг прошлась вверх по спине к шее. Агна задрожала ещё сильнее то ли от скрутивших верёвкой тревоги и трепета, то ли от холода - уже не понять, но ноги немели.

- Я всё равно ничего не скажу, - прошипела сквозь плотно стиснутые от холода зубы, вяло дёрнулась в его хватке, тая надежду вырваться, хотя вся уже задубела.

От того, как сжались в гнев его губы до посинения, а крылья носа, чуть заострённого, дрогнули, и в глазах мелькнуло презрение, Агна явно поняла, что ответила не то, что нужно, но плевать. Кто он, вообще, такой? И как смеет с ней так обращаться?

Приближавшиеся голоса и всплески воды под вёслами разорвали оцепенение.

- Это мы ещё посмотрим, - пригрозил, сгребая девушку в охапку, и потащил к берегу.

И тут произошло то, чего она так опасалась: в глазах поплыло, головокружение мягко толкнуло в пропасть.

Сколько прошло времени - Агна не понимала. Внутри и снаружи всё ещё плескались холодные волны, она кричала, призывая Воймирко, пытаясь достучаться до него, только из горла выходили лишь сдавленные сухостью стоны. Она слышала их краем сознания, но не могла очнуться - слишком слаба. Агна билась, пусть отяжелели уже ноги и голова, но пыталась пробиться сквозь толщу небытия, но тут же проваливалась на дно.

- Воймирко, - хрипло издало её горло, и накалившийся в груди звук его имени раскололся на сотни кусков, которые она пыталась собрать, обжигаясь.

Всего лишь на короткое мгновение она вырвалась из небытия, слепо шарила по холодному железу руками, пытаясь уцепиться хоть за что-нибудь, ощущая под пальцами холодные диски брони, и чужие пальцы на спине и бедре, прожигающие кожу сквозь мокрое платье - её куда-то несли.

- Приходит в себя, - слышалось со стороны. - Хорошенькая. Интересно, как долго он использует её?

- Доберёмся до Роудука, и разузнаешь всё, - равнодушно отозвался уже знакомый, залёгший в грудь стылой лядиной голос.

Агна почувствовала, как мускулы рук незнакомца напряглись так явственно, что сквозь воспалённое сознание поняла, что это был уже не сон, её и в самом деле несли. Она разлепила отяжелевшие и горевшие веки.

- Воймирко? - лицо над ней приобрело более чёткий облик, и черты его были чужие.

- Я не Воймирко, - ответил резко, сжав челюсти, так, что дрогнули желваки.

Оторвав от девушки взгляд, в которых буйствовало раздражение, он посмотрел куда-то вперёд, видно, совершенно не желая видеть её, и только сильное вынуждение заставляло его тут же не бросить её прямо на землю.

- Ценность её уже сомнительна, - отозвался Анарад .

- Думаешь, кобылку уже объездили?

- Надеюсь, в княжестве будет более разговорчива, - жестокие слова оборвались. - Зар, заberi, - последовал короткий приказ, и резкое перекидывание в другие руки заставило Агну издать стон, потому что тело будто продрало крюком. - Отнеси в избу, пусть переоденут в сухое, сделайте всё, чтобы она поскорее пришла в себя. Только поосторожней. Проследи.

Всё происходило будто не с ней, Агна словно смотрела на всё со стороны, став невольной свидетельницей чужой беды. Сознание не желало ничего воспринимать. Она только ощущала, как её кто-то перехватил крепче, потом твёрдые шаги и вскрики Ереи. Поморщилась от внезапно вспыхнувшей боли на бедре, а потом её завернули во что-то. Агну люто начало коло-

тить изнутри, и она, потеряв опору, вновь ухнула в пропасть. Стылую и пустую. Она падала, захлёбываясь холодным мокрым воздухом, и страх от того, что Воймирко в опасности, заковывал душу в клетку. Падение в огненное жерло небытия продолжалось неизбежно долго. Агна совершенно потеряла счёт времени, оно размылось, как горизонт в тумане, сливаясь с небом, не стало ни верха, ни низа, ни запаха. Она слышала утешающий голос Ереи, тяжёлые вздохи и причитания.

- Злыдни окаянные. В холод такой, бездушные...

Агна открыла глаза, но ничего не смогла разглядеть - муть одна.

- Кто они? - губы пересохла страшно.

- А кто знает? Пришли с востока, стало быть, с соседнего княжества.

Агна сглотнула, пытаясь понять, откуда именно, но безуспешно - голова болела страшно.

- Не говори им ничего, поняла?

- Да как же!

- Молчи, - прошипела Агна, - поняла, Ерия? Что бы ни случилось - молчи...

А потом её одолела слабость, на грудь будто валун положили - ни пошевелиться даже, и сердце то замирало, то билось часто и гулко, и она вновь провалилась в черноту.

Агна очнулась от того, что почувствовала чужое присутствие, давящий взгляд на себе и горячее дыхание, которое прокатилось по щеке, дрожащее и тяжёлое. Пошевелилась, втягивая сухой запах сена. Послышались удаляющие шаги, и обилие света хлынуло на Агну, заставляя всё же разлепить веки. Слух прорезали пение петухов на задворках и гомон птицы на растущей у окна берёзы. Она провела ладонью по меху, слыша треск горящих дров у входа, было уже тепло, даже душно от того, что рядом горел очаг, а на ней - ворох тяжёлых шкур.

Утро вошло в полную силу, и золотистый свет, лившийся из оконного проруба, освещал небольшую горницу, в которой Агна вместе с Ерией жили мирно все эти зимы. Агна бездумно упиралась взглядом в толстые потолочные балки, достаточно низкие - не княжеские хоромы. Странно, почему-то заметила это только сейчас, хоть покинула отца давно.

- Здрава будь, девица, - вонзился клином посторонний голос, так, что воздух дрогнул, и сонливость как рукой смахнуло.

Не успела Агна встрепнуться, как над ней появилось незнакомое лицо мужчины. Он улыбался, посмотрел свысока, держа в руке деревянный ковш, с которого капала вода.

Нет, это не было кошмаром. Ещё ранним утром её едва не утопили. Агна сглотнула, боясь пошевелиться. Перед ней склонялся другой юноша, хоть похожи сильно с тем воином, что поймал её у реки: те же русые с холодным оттенком волосы, правда, немного светлее, щетина на лице, густые брови, и нос прямой, только лицо чуть уже и глаза светлого голубого оттенка, такого морозного, что Агна даже поёжилась. Тело будто вытянутое немного, но статен и высок, правда, внешне он был куда холёнее, и было ясно почему - одежда на нём не простая, справная: кафтан с ценными меховыми подкладками и многочисленными петлями на груди, повязанный в несколько оборотов тканым богатым поясом, как у самих князей, на ногах - высокие сапоги. Туман в голове совсем рассеялся, и Агна вспомнила слова Ереи, что воины эти с соседних земель пришли.

- Пей, - предложил ей чужак.

Агна привсталала, морщась - всё тело ломило, голова кружилась. Несмотря на то, что стало легче, кости раздалбливало будто молотом. Она спохватилась и тут же натянула на грудь сползшие шкуры, оглядывая белоснежные рукава тонкой льняной рубахи.

- Не волнуйся, - успокоил он. - Мы не со злом, как может показаться изначально.

Агна приняла ковш, за что получила одобряющий кивок. Отказалась бы, но во рту пересохло так, что язык к нёбу прилип.

- Ты много раз повторяла его имя в бреду, - пророкотал знакомый голос из дальнего угла.

Девушка вздрогнула, чуть не выронив из ещё слабых рук ковш, даже не заметила, что здесь был кто-то ещё, а точнее - тот дикарь с сумрачными глазами. В маленькой горнице он казался куском гранита. Он спокойно сидел на лавке у стола, подпирая затылком и спиной бревенчатую стену. Свет не добирался до тёмного угла, и Агна не видела его взгляда, который явно упирался в неё.

- Любовники.

- Что?! - Агна мгновенно подобралась, отставляя ковш, к щекам огненная лава прилила - так их запекло, и этот жар поднялся к самому затылку, заливая всю её, до самых кончиков ушей - такого никогда с ней не случалось, сколь себя помнила.

- Как смеешь? - Голос прохрипел сипло, но это её не остановило, такая ярость взяла. - Воймирко - слугитель Велесу...

Хотя она тут же пожалела, что поддалась на его поддёвку - что взять с этого возмнившего о себе невесты что дикаря, который напал на беззащитную девушку, приставив к горлу нож?

- Ты так краснеешь, что я почти верю в вашу безобидную связь, - продолжил он, хмыкнув и отлепляясь от стены, потянулся за крынкой, - но всё же не верю, не может такого быть, чтобы жрец ни разу не прикоснулся к тебе. И ты повторяла его имя в бреду слишком часто, - он припал к горлу крынки.

- Не твоя забота. Я не стану ничего вам отвечать.

- И не нужно. Я не спрашивал, - напившись, он поднялся, отставляя опустевшую крынку, медленно прошёл к постели, выходя на свет.

Агна подняла подборок и подобрала ноги, рассматривая этого высокомерного наглеца лучше, скользя взглядом по высоким сапогам и в таком же добротном кафтане нараспах. Та одежда, что вымокла на нём и Агне, висела у печи на растянутой под потолком верёвке. Тело стройное, молод, высок и статен, высохшие русые волосы немного взъерошены, зачёсаны на одну сторону, длинный чуб падал на скулы, закрывая одну сторону лица, оттеняя поблёскивающие по-волчьи глаза. Он смотрел на неё отстранённо, даже небрежно. Толку от того, что она станет доказывать что-то, не было - всё равно её слова не воспримутся за истину или, что ещё хуже, воспримутся не так, да ещё и перевернутся, искажая подлинный смысл её с Воймирко связи. Они оба явно были чем-то недовольны - об этом говорило ничем не прикрытое пренебрежение.

- Хотя за такие уединённые встречи молодой и незамужней девицы с мужиком я бы отходил ремнём твою кругленькую... - сумрачные глаза сузились, насмешливо скользнув по телу, а Агна задыхнулась, не в силах понять, за что на неё свалилась такая немилость, чувствуя, как этот нахал намеренно, уж неизвестно почему, пытается задеть её.

- Ты приставил мне нож к горлу.

- По вполне понятным причинам, - вернул он на неё взгляд, будто колыями пригвоздил.

- И чуть не утопил.

- А ты разве не хотела утопиться сама, когда бросилась в ледяную воду?

- Что?! - тряхнула ещё влажными расплетёнными волосами, уместая в себе возмущение, что так остро рвалось наружу. - Может, всё же признаетесь - кто вы? Что вам от меня нужно? И где Ерия? - зло пропыхтела Агна, теряя терпение, хотя особо расплыться не стоило: находилась совершенно одна среди двоих мужчин в одной домотканой рубахе.

- А как же, - прервал второй незнакомец, который в молчании наблюдал за перепалкой со стороны. - Не будем ходить вокруг и около.

- Расскажи ей и поскорее, - бросил наглец, - а я пойду людей соберу. Возвращаться нужно.

Он развернулся и пошёл прочь, двигаясь размеренно и - надо сказать - внушительно. Низко пригибая голову под притолокой, вышел наружу, скрипнув дверью, которая тут же захлопнулась.

- Это - Анара́д, княжич Роудука, думаю, может быть, наслышаны о землях осхарцов? Я - второй наследник княжества, моё имя Вротислав. Надеюсь, ты переносишь плавание? Конечно, можем и на лошадях, но так будет гораздо дольше путь.

Голова Агны тут же отозвалась болезненным звоном, она слушала и не верила своим ушам, не понимала, что её поразило больше: что передо ней, в этой лесной глуши, наследники воинственного Роудука, поймавшие её - не просто княжну Збрутича, но и будущую служительницу - как какую-то лисицу на шкуры, или что её без согласия хотят увезти? Скорее всего, и то, и другое, и всё вместе просто недозволительно, неприемлемо!

- Какой ещё путь? Кто вам сказал, что я поеду с вами?

- Никто. Ты просто поедешь с нами, Агна - тебя же так зовут? - Вротислав деловито заложил руки за спину и без всякого интереса посмотрел в окно, думая о чём-то своём, будто они уже давно всё сговорили и теперь следовали чётко намеченному пути.

- А если не так? - спросила она осторожно, понимая, что они явно не знают, кто она на самом деле.

- Это не имеет значение, ты выведешь нас к служителю.

- Нет, вы зря это замыслили, я ничего не стану говорить.

- Твоё согласие никому не нужно, ты уже должна была это понять...

Вернул на девушку взгляд стальных голубых глаза княжич Роудука, и смотрел с проснувшимся вдруг интересом долго, чуть склонив голову набок, оглядывая всю, задерживаясь на шее и груди, так, что по её рукам ледяные мурашки проступили. Казалось, видит насквозь её и ту тайну, что она хранит, что не из простых девушек, а княжна Збрутича. Но нет, Вротислав хмыкнул, возвращая взгляд на лицо Агны, посмотрел прямо в глаза:

- ...Советую быть послушной. И лучше не спорить - так ты меньше пострадаешь, и деревня твоя в том числе, - мелькнула в голосе прежняя угроза, и глаза похолодели, так, что внутри Агны колющий ком свернулся, давя на грудь. В голове билось одно - зачем им нужен Воймирко? О том Агна уже не решилась спросить, да и скажут разве? - Одевайся, твоя одежда, должно быть, уже высохла.

Он отступил, направившись к выходу.

- Позволь Ерии зайти, мне нужна будет помощь.

Вротислав задержался, посмотрев на девушку скользящим взглядом и раздумывая миг. Кивнул:

- Хорошо, только даже не думай сбежать, вокруг двора наши воины.

Агна проглотила обиду молча, видя, как мелькнула голова Вротислава в оконце, туго втянула в себя воздух, откидываясь обратно на постель, прикрывая ресницы и сдерживая давящие на глаза слёзы и раздравшее горло судорожное дыхание, но всё же её губы задрожали. Такой бессильной она не ощущала себя давно.

Мысли замельтешили, как искры от костра, жгли невыносимо. И все они были об одном, как скоро теперь увидится она с Воймирко? Как ему сообщить о грозящей опасности, ведь ясно же что добра от этих стервятники ему не ждать. Поймают, повесят или сожгут на костре. Агна вздрогнула от подобной мысли. Пусть делают, что хотят, но она не скажет ничего. Не скажет, что Воймирко вот уже как три зимы живёт отшельником в лесу, воздвигнув капище священное Велесу. И он готовит её к обряду, после которого она станет жрицей и сможет вступить в Коган, быть рядом с ним, помогать и учиться. Отец обойдётся и без неё - она давно уступила место своим сёстрам, отдав им право первыми выйти замуж. Хотя князь и был против того, долго не соглашается, уж сколь они с ним ругались, но в последнее время начал смиряться - понял, что не удержит, суть Агны всё равно сильнее жизненного уклада - она требовало свободы, применения, выхода. И Воймирко смог её раскрыть. Ни один из волхвов капища не смог этого сделать. А он смог. И она должна была покинуть княжество Збрутич. А теперь её спокойная жизнь и надежды пошатнулись. Как же она не заметила, что за ней следили? Она бы смогла

скрыться в лесу, переждать, но теперь уж поздно. Они ждали её сейчас там, у ворот, и она должна будет идти с ними.

Агна поворочалась, ощупывая правое бедро, надавливая, и тут же кожа отозвалась жжением. Ушибла.

Дверь скрипнула, и на порог вошла Ерия, белая как снег.

- Не смотри так, подавай вещи, - велела Агна.

- Поедешь, значит.

- Поеду, - Агна поднялась, сев на постели, опутив ноги, и её качнуло, и тошнота подкатила к горлу.

- Отлежаться бы ещё нужно.

- Нет, Ерия, не насылать же на Ледницы беду. Ты же видишь - они вон какие.

- Они всё про капище спрашивали людей, - стянула с верёвок вещи Ерия, полезла в сундуки.

- И что те отвечали?

- А что они ответят? Не знают ничего, слышать слыхивали, а где капище - ни сном, ни духом. Об этом только ты ведаешь. Староста повёл их разговор вести в общую избу. Женщин туда не пускают.

Да, знала только она, но всё равно боязно было. Ерия хоть и приставлена была князем Карутаем в помощницы, но женщиной она была сведущей во всех княжеских делах, потому то и выбрал. Она выудила из глубины короба тёплое шерстяное платье, расправила, осматривая.

- Напомни мне, Ерия, сколько сыновей у князя Найтара - правителя Роудука.

Женщина так и остолбенела, опуская руки, осела на стул, что рядом с сундуком и стоял.

- Так это что же - они, выходит?

- Они, - забрала Агна из ослабевших рук женщины платье, склоняясь, - говори, что знаешь о них?

- А что сказать, - задумалась Ерия, - знаю только, что раньше Роудуком правил князь Ворута.

- Почему Ворута, разве не Найтар? - просунула Агна голову через ворот, торопясь.

- Найтар - младший брат Воруты, он взял на себя правление, когда Ворута сгинул, оставив княжий стол и единственного своего наследника. Пятнадцать зим уже как прошло. На то время наследник ещё мал был, чтобы сесть за княжий стол, и его место занял его дядя - Найтар.

Агна поморщилась, соображая, хотя головная боль мешала.

- Выходит, Анарад и есть сын пропавшего князя?

- Анарад - да.

- Они похожи, хоть и не родные.

- Вротислав, сразу видно молоком вскормленный материнским, холёный весь, видно, что заботы много получал. А у второго взгляд такой цепкий, детина здоровый, такой в обиду себя не даст.

Агна одёрнула подол, поднимаясь. Да уж не даст, и в речке утопит - не моргнёт, но говорить ничего не стала, чтобы лишний раз не пугать.

- Сама твердыня Роудук - крупное княжество, - продолжила Ерия, очнувшись от недолгого раздумья, поднимаясь со своего места, потянувшись за сумой, - правда, ходили слухи разные о нём,

- И какие же? - завязала тесьму на вороте, расправляя густые русые, как кора ольхи, волосы.

Им завидовали здешние девушки, видя, как парни, хоть и знают, кем была Агна, а проходу не давали. Особенно один, самый бойкий и, наверное, терпеливый - уж сколько лет отхаживала его, а он всё не отступался. И тревога вдруг взяла - как бы не натворил чего.

- А то, что сколь бы оно воинственным ни было, - продолжила Ерия, - а разрушается изнутри. Волхвы поговаривали, что век крепких стен недолог, что опутывает чёрной сетью город этот чужая воля.

У служителей своё видение на всё, и порой оно бывает слишком туманным и мутным. Непонятным. Но правда остаётся одна - древний род осхарцев отличается своей жестокостью. Так и есть - они её украли, насильно везут в чужие земли. Сбежать не выйдет, тем более, если поплывут по реке. И что ждёт её - только отцу-Велесу известно.

Агна поднялась на слабые ноги, подвязываясь поясом широким.

- Вот что, - подступила Ерия, бросая на плечи Агны полушубок, который девушка одевала разве что по празднованиям, - как только покинешь Ледницы, поеду я в Збрутич, расскажу князю обо всём.

- Нет, - встрепенулась Агна.

- Послушай сперва, - осадил её женщина - хоть помощница, но старшая и мудрая, - не скажу, что силой увели. Не хватало ещё вражду затеять, в словах своих буду осторожна. Скажу, что приехали, забрали, что ищут они Воймирко и просят тебя помочь его найти... - Хотя это было куда мягче, чем на самом деле, но в словах её было зерно здравомыслия. - ...Пусть знает князь, где ты и что с тобой. Пошлёт за тобой людей своих.

- Хорошо. Пусть будет так, - согласилась Агна, хоть понимала, что после такого отец не отпустит больше от себя, но иного выхода и не видела пока.

Ерия собрала суму с немногочисленными вещами, теми, что взяла с собой она однажды из княжества и что женщины местные приносили ей в дар за помощь разную, пусть и незначительную: то злых духов с хлева прогнать, дитя от сипухи избавить... В Ледницах они её уважали, не обижали никогда. Заплетя волосы в косу, Агна тоскливо оглядела ставшие за эти годы родными стены, скромную утварь и печь, о которую зимой она грела руки, как придёт с морозного леса, и веретёнце небольшое, что крутила вечерами, коротая их, нить сплетая.

- Надеюсь, расплетётся вся эта путаница, и вернусь ещё сюда. - Агна вздохнула - надежды на то было никакой.

- Как бы батюшка твой не разгневался на меня, что одну пустила.

Агна повернулась к помощнице, оглядывая её. Медного отлива коса, падающая из-под завязанного сложно платка, как носили все замужние этой деревни, глаза, как вода в пруду - зеленовато-серые, губы чуть вытянутые. Запомнит её такой.

- Не разгневается, Ерия, князь знает мой нрав и других в том винить не станет.

Агна выдохнула, а потом крепко обняла Ерию, и та прижала к своей груди как дитя родное.

- Всё, пора мне, - прошептала девушка, проглатывая слёзы, отстранилась и подхватила мешок с одеждой и с едой кое-какой - всё же путь неблизкий - и, не глядя больше на помощницу, к двери шагнула.

Глава 2

Глава 2

Агна, поправив кольца на очелье, вышла из тёплой избы. Хотя земля под ногами всё ещё пошатывалась, она ступила на высокое крыльцо. Княжеские кмети ожидали у завалинки сруба - шесть человек. Местные - самые смелые - выглядывали кто из ворот, кто из дверей построек, близко не подходили - опасались. Оно и понятно - иные и вовсе видели оружейных впервые. Скрипнула дверь позади - Ерия всё же не удержалась и вышла вслед за девушкой. И Агна не стала её в том упрекать. Спустилась по высокой лестнице не спеша - а куда торопиться, братья ещё были в доме старосты.

Небо сегодня низкое, тяжёлое и тревожное, тучи серые солнечное коло уже давно скрыли, того и гляди посыплет снег. Изредка налетал ветерок, вороша волосы на висках Агны, они щекотали кожу. И как бы ни зеленели ещё деревья, а холод тянул тепло из тела, как пряха нить из кудели.

С её появлением по двору разлилась тишина. И ничего не оставалось, как тоже ждать. Приглушённые переговоры кметей и женщин, что разговаривали меж собой у хлева, раздавались будто издалека. Внутри росла тревога, хотя Агна уже и смирилась, что покинет Ледницы. Ничего, доберётся до княжества Роудука, а там свидится с князем, и пусть он со своими сыновьями разбирается сам и делает с ними, что хочет, а её назад отпустит и прикажет ни на шаг к ней не приближаться. Хотя в последнем, вспомнив взгляд старшего княжича, Агна сильно сомневалась: такой всю душу вытрясет - с него не станется.

Надышалась свежим холодным воздухом - и легче стало, и голова будто прояснилась. И всё же зачем им нужен Воймирко? Агна задумалась. Много ли она сама знает о жреце? И осознание кольнуло вдруг остро - и не знает ничего. Все три года они встречались у капища, он учил разговаривать с духами - лесными и теми, что живут среди людей, и теми, кто под землёй, об укладе Когана. Бывало, он пропадал на много месяцев, и Агна жила обычной жизнью в общине, занималась хозяйскими делами, теми же, что и все остальные: трудилась на земле, а зимой рукодельничала - пряха и вышивала. Хотя Ерия её и берегла, не позволяла много брать на себя, а порой и не подпускала ни к чему, напоминая, что княжне не пристало тяготиться нелёгким трудом, но Агна трудности в такой простой жизни и не видела, хотя не под силу ей дров наколоть, но на то добровольцы всегда имелись.

Агна встрепенулась, взглядом быстро пробежалась по постройкам, выискивая сына местного кузнеца, да так и не выискала. Может, на реку удить пошёл - хорошо бы. Она перемялась с ноги на ногу - куда же эти осхарцы запропалились?! И не успела разозлиться толком, как из-за дальних срубов поднялась суeta. Слава Богам!

Ерия вышла к пришлым, вернув им княжеские одежды, что высохли уже давно - и правильно: по примете ничего нельзя оставлять, чтобы не вернулись больше сюда. Едва Ерия поднялась на крыльцо, бросив на Агну взволнованный взгляд, кмети, что у избы толпились, подобрались вдруг.

Впереди вышагивал старший муж Гостибор - высокий и крепкий, в кожухе длинном нараспашку. За ними шли княжичи - уж в росте с ним не соперничали - тонкие и молодые, как ясени, и другие мужчины общины чуть позади. И по тому, как Гостибор спокойно глянул на Агну, чуть кивая, поняла, что мирно обо всём договорились. Да и как по-другому, коли сами княжичи Роудука явились в такую глушь! Даже если они и против были бы пустить княжну, то поперёк вооружённым кметям не пойдут. Агна улыбнулась ему безмолвно. Гостибор шагнул к ней, обхватив тёплыми мозолистыми ладонями лицо Агны, поцеловал в макушку, отошёл.

Вротислав махнул своим кметям выходить со двора, пошёл к воротам. Анарад, бегло глянув на крыльцо, где стояла Ерия, опустил взгляд на девушку, посмотрел свысока и по-преж-

нему холодно - ничуть его взгляд не потеплел, острый, как у ворона. Ветер смахивал ему на глаза пряди волос. Он развернулся и, не сказав ни слова, пошёл прочь со двора, давая понять, чтобы за ним следовала. Агна выдохнула сдержанно, унимая поднимающуюся бурю негодования, да толку от того никакого не было, а только вред - нужно сохранять спокойствие да терпение обрести. Посмотрев ему вслед, пошла за ними, не оборачиваясь больше.

Спустились с пригорка, пройдя тропой, что вела к речке, а когда деревья расступились, Агна увидела крутобокую ладью: немаленькую - двенадцати вёсельную, оно и понятно - путь неблизкий, на простом ушкуе не пройти. С низкими бортами, с вздёрнутой носовой оконечностью, украшенной головой зверя с разинутой пастью. Резьба была и на бортах, висели на боках и круглые щиты, выкрашенные солнечно-жёлтой и красной краской.

И всё же, как ни пренебрежительно отнеслись к ней, а пропустили-таки первую - Вротислав, улыбаясь елейно, широким жестом указал проходить, да, видно, и неспроста - рисовался перед общинниками, строя из себя порядочного. Двое кметей помогли спрыгнуть на борт, подерживая. Сходни загрохотали под множеством сапог. Поднявшись по ним, мужчины один за другим разбрелись по своим местам.

Агна скользнула взглядом по лесистому берегу и взгорку, на который вышел староста Гостибор с остальными мужчинами да детишками, которые, едва воины опустили вёсла, срывая ладью с места, бросились к берегу с весёлыми криками. Агна невольно улыбнулась, вздохнула и отвернулась, чтобы не рвать сердце понапрасну, да напоролась вдруг на взгляд Анарада.

Агна от его какого-то непримиримого неприступного вида дыхание потеряла. Княжич отвернулся, пройдя неспешно к самой корме.

Ладья поплыла ходко и весело, и вот уже берег дома затерялся среди лесистых оранжево-зелёных холмов. Агна так и стояла, смотря вдаль и сдавливая брусья пальцами, пока русло уже совсем чужим стало - так далеко она не забиралась от деревни. Это Красен - сын кузнеца - мог пропасть надолго и прийти только на следующий день, рассказывая, в каких местах побывал да что видел. А смотреть тут, кроме как на лес и болота, не на что - кругом дремучесть сырая, непролазная.

- Не замёрзла? - раздался позади голос.

Агна обернулась. Вротислав шурился на ветер, подошёл, посмотрев на берег умиротворённо.

- Не замёрзла, - отозвалась Агна, не радуясь обществу княжича - хотя тот ей ничего дурного не сделал, а неприязнь выросла вперёд всего, как бы они не пытались сгладить своё вторжение.

- К вечеру будет ещё холоднее, но мы встанем вечерять на берег. Три дня нам пути до княжества. Если отдохнуть захочешь, вон там тебе место приготовлено, - он указал в сторону на скамью среди бочек и коробов, в которых были, видимо, припасы, спрятанные под навесом от дождя и сырости утренней. На скамье той ворох шкур для мягкости и тепла. - Не смогли предугадать, что с нами девица поедет, потому не обессудь.

Агна взглянула на него внимательно - неужели и впрямь не знают, кто она? Княжич хмыкнул, не дождавшись от неё ни ответа, ни слов благодарности, которые, по-видимому, он ждал. А с чего она должна благодарить - ехать с ними не собиралась. Или всё же притворяются, что не ведают о княжне из Збрутича? Намеренно решили известить её?

- Зачем вам нужен Воймирко? - вырвался, словно сам по себе, вопрос, что скрёб её изнутри когтями.

Вротислав посмотрел долго на неё, повернул чуть голову назад, косясь на своего брата, подошёл к борту ближе, оперившись руками, опустил взгляд и задумался на миг.

- Это долгая и запутанная история, и я не вижу смысла рассказывать, если ты не собираешься нам помочь.

Агна нахмурилась: и в самом деле - зачем спрашивает? Действительно - не собиралась. Но слов назад не вернёшь.

- Раз с мечом пришли - не доброе ему желаете, - смахнула она с лица ладонью налипшие волосы, что выбились из косы, тоже посмотрела на плывущий берег.

Молчание разлилось, только слышно, как бьются шумно о воду вёсла. Вротислав вдруг выпрямился, щурясь на ветер.

- Гнева он нашего заслужил, а вот смерти... Пока он нам живым нужен. А там посмотрим.

Говорит, как не о слугителе и даже не о человеке, а о скотине какой, на убой предназначенной.

- Зачем вы меня забрали и везёте в Роудук, если знаете, что я всё равно ничего не скажу? - спросила Агна, поднимая подбородок, выказывая всю свою твёрдость, хоть, надо признать, внутри всё ходуном ходило от волнения непонятного.

- Нам и не нужно, - ответил коротко Вротислав, разворачиваясь к девушке, и вся твёрдость её разом сгинула, хоть и не двинулась с места. - Он ведь тебя будет искать. Придёт сам к нам в руки.

- Что? - Агна растерянно моргнула. - С чего так решил?

- С того, что ты ему очень необходима. Ведомы нам его уловки, уловки Когана. Пьёт он из тебя силу, голубка.

Агна фыркнула.

- Если не знаешь, что ответить, княжич, лучше молчи тогда.

Вротислав вдруг навис, подходя уже почти вплотную, вглядываясь в глаза.

- И откуда взялась такая? - Глаза его заскользили прохладно по её лицу. - Ты - девка деревенская! - станешь мне рот закрывать? Дерзкая ты больно, спесивая, что молодая кобылица.

Агна вспомнив разговор братьев что слышала, лежа в бреду, попятилась было, да поздно. Ладонь тяжёлая, что молот, легла на поясницу, к себе с силой прибивая - через одежду плотную тело его твёрдое ощутила.

- Не забывайся, - прошипел он, взгляд свой ледяной вонзая - до самого нутра достал, - а то быстро я тебя оседлаю и не посмотрю, что служительница.

- И ты остудись, княжич, ведь и проклясть могу, - прошипела в ответ, да всё же колени задрожали от его напора.

Вротислав застыл на миг, потом улыбнулся шире, примиряюще оскаливая белые зубы, но отпускать - не отпустил, опустил ладони ниже поясницы, стискивая грубо.

- Серьёзная какая... Дикая.

- Я смотрю, вы время зря не теряете? - раздался голоса Анарада, будто ком снега на голову.

К щекам так и прихлынул жар - и что же это такое?

- Да вот, Анарад, попутчица наша замёрзла. Грею голубку, - засмеялся Вротислав, стискивая ещё сильнее, будто играясь, силу свою не рассчитывая, а может, и нарочно - в отместку.

Агна задохнулась от смущения и стыда дикого, вцепилась в его руки, отрывая от себя.

- Когда на место прибудем, тогда и отогреешь, сколько тебе вздумается, - бросил Анарад, не глядя в её сторону, будто и нет её, сузив глаза в таком же прищуре, как и Вротислав. - Пойдём, переговорить нужно.

- Твоя взяла, - вернул взгляд на Агну княжич, да вдруг склонился резко, ловя её губами, когда она отринула, тот - вот наглец! - за щёку её зубами прикусил, выпустил резко, только в глазах ещё больше ярью сверкнула напоследок.

Агна рванулась, ладонь так и заколола приложить её куда нужно, да вовремя одёрнула себя - путь неблизкий, а ну чего сотворит в отместку. Скользнув между братьями, бросилась в укрытие с чужих глаз, стараясь не замечать, как остальные гребцы смотрели на неё, щерясь в ухмылках бесстыжих - они-то всё видели, как княжич баловал.

Агна спряталась за коробами, села удобнее, подбирая ноги, чтобы отдышаться, как следует, да куда там - сердце прыгало так, что в грудь отдавало, и в глазах темнело то ли от гнева, то ли ещё от чего. Яростно потёрла лицо, убирая следы укуса, вроде не сильного, а щека горела.

Агна решила не выходить из своего укрытия до самого вечера. А как начало темнеть, ладья к берегу пологому примкнулась.

Подняв вёсла, мужи засуетились, загорланили весело да гулко, сходя на берег. Агна выходить не хотела, желая тут остаться, да всё же нужно было по женской надобности. Спустилась последней, когда все уже на земле были, разбрелись каждый по своим делам, только и слышен был треск ломающегося сухостоя да всплески воды. Анарад вместе со своим братцем костром занялись - место подходящее расчищали. Агна думала мимо них незаметной пройти, да куда уж там.

- Далеко не отходи, - ткнулся, будто палкой в спину, голос Анарада. - Не хватало ещё от зверя лесного тебя отбивать.

Гогот остальных разнёсся по тонущему в сумерках берегу. Остро захотелось обернуться да ответить что-нибудь поострее да покрепче, да только стиснула зубы - пусть тешатся до поры, а потом она над ними потешится, как придёт время.

- И бежать не вздумай, - едва она шагнула в сторону леса, добавил Анарад. - Найду... не обессудь потом...

Агна фыркнула, но лёд всё же скользнул к пояснице. Зашага прочь, углубляясь в холодные недра зарослей, пропахших грибами и сыростью.

Бежать она никуда не собиралась. Не нужно показывать свою трусость. Агна хоть и боялась, но никогда на поводу у страха не шла и впредь идти не собиралась, как бы ни пугали её неведение да тревога за Воймирко. А если бы даже и захотела убежать, то не составит ей никакого труда запутать след свой, которой бы княжичи смогли найти разве только под утро, но тогда она будет уже далеко. Агна решила этого не делать. Приедет в Роудук, а там виднее станет. Да и теперь как сбежать, коли такая путаница кругом. Любопытство разгоралось внутри узнать, что княжичи осхарцев замышляют, что за тайну они скрывают и зачем им нужен жрец. Может, и хорошо, что в Роудук едет, может, узнает, что полезного да нужного, а потом Воймирко и расскажет.

Агна отошла от места становища достаточно далеко - хотелось побыть одной да подумать над тем, что сказал ей Вротислав. Воймирко ни за что так с ней не поступил бы - тянуть из неё силы. Она бы обязательно почувствовала. Хотя оклеветать человека, хоть и жреца, холёному княжичу ничего не стоило, да и её запутать тоже. Агна остановилась возле поваленный сухой сосны, присела, глядя в прорехи крон. Запах груздей и смолы древесной здесь был насыщенней. Сумрак помалу топил чащобы в тених, пополз с лощин холодок, оглаживая ноги, поднимаясь к коленям, слышны только треск ветвей, тревожащий диким зверем, гудела где-то в глубине сова.

Агна устало выдохнула, опустила взгляд, переложив свою суму на колени, вспомнив, что Ерия положила ей кое-какую снедь, а с ними - невольными путниками - она за один круг не съедет никогда.

Развязав узел рушника, в который был заботливо завернут пирог - по запаху слышно, что начинённый тушёными грибами - отломил кусочек. Аромат от сладкого теста закружил голову, а в животе свернулось всё от пустоты - даже и не думала, что настолько проголодалась. Отломив край, принялась жевать, стараясь не спешить, наслаждалась вкусом пряным, и до того пирог сочным был, что не отказалась и ещё от одного кусочка - наверное, сильные переживания, что сотворились с ней, всё же сказались. Как закончила трапезу, сделала из бурдюка пару глотков - вода в ней тоже показалась на удивление слаще мёда. Пока складывала обратно всё в суму, поняла, как темно стало, и нужно возвращаться поскорее, иначе спохватятся - искать пойдут чего не добро. Агна, не забыв, отломив ещё кусок пирога, оставила на земле - духам

лесным, чтоб добры к ней были. Уложив вещи, вдруг пальцами что-то холодное нащупала, выудила да так и замерла.

- Вот же Ерия! И о том позаботилась...

В ладони лежал нож, поблёскивая в сумраках холодным стальным блеском, рукоять чуть изогнутая, украшенная узором плавным, будто ростками цветочными, и лезвие широкое кверху чуть вытянутое, на нём - бережные начертания. Этот нож ей когда-то отец подарил. Она и забыла о нём совсем. Вынув совсем его из ножен, сжав его, к груди прижала, закрыв глаза. Подарок отцов пусть верной защитой станет. Сталь в руке стремительно теплеть начала, и стало как-то даже спокойнее, теперь княжич этот нахальный пусть только попробует руки свои пустить!

Агна вернула его в ножны, прицепила за пояс, спрятав в складках одежды. Подхватив суму и повесив на плечо, пошла обратно, покидая потайное место. Раздвигая ветки, вышла к берегу. Там уже, оказывается, тоже управились со снедью, да подбирались с земли потихоньку, чтобы в обратный путь отправиться. Никто и не заметил её возвращения, будто и не сомневались, что она сбежать не попытается. Проходя мимо костра, где ещё сидели воины, Агна спиной чувствовала, как скользит по ней внимательный взгляд Анарада - не возлюбил с самой первой встречи. Да ей-то что? Не просила она его с собой таскать ее повсюду. Агна не увидела братца его поблизости - куда запропастился? Едва она с костром поравнялась, направляясь к ладье, Анарад повернулся вдруг - видно, хотел сказать что-то да передумал, позволив девушке пройти свободно. И хорошо, не было никакого желание разговаривать с ним. Да и о чём? С одним она уже поговорила. Хватит.

Поднявшись по сходням, Агна сразу в укрытие своё нырнула, сбросив суму на короб низкий, сняв с себя тяжёлую просыревшую в лесу одежду, расстелив шкуры - ночью холодно будет - легла, укутавшись плотно до самого подбородка. После сытной трапезы веки отяжелели сразу. Она слышала, как поднялись на ладью кмети, как шумели они, переговариваясь о пустяковом, как заплескали вёсла, и ладья, качнувшись, вновь заскользила вверх по реке. И не заметила Агна, как уснула, разморённая под шкурами.

Проснулась княжна ранним утром, спала бы ещё, если бы не всплески воды и грохот чего-то тяжёлого. Откинув мягкие шкуры и потеряв глаза, упираясь взглядом в волоковый полог, что ворошил ветерок, Агна приподнялась, перекидывая растрепавшуюся косу через плечо, села, поведив плечами, разминая спину, отцепила берёзовый гребень с пояса, распустив косу, принялась раздёргивать волосы. Ныне день был ощутимо теплее - это радовало, хотя плыть ещё долго. Всплеск воды вновь раздался почти рядом. Агна опустила руки и, пересев к краю постели осторожно, чтобы не быть никем замеченной, выглянула в щель полога своего убежища, посмотреть, что там происходит. Отодвинув занавес, сразу разглядела спину старшего княжича - Анарад. Обнажённый до пояса, он, подхватив полную кадку воды, резко перевернул, вылив на себя целиком. Агна не раз видела мужское тело - знойным летом деревенские, не стыдясь никого, после труда дневного тяжёлого в реку курнались, и смешно было за тем наблюдать - резвились, как дети малые, да только сейчас и не до веселья, Агна засмотрелась, как под гладкой влажной кожей двигаются твёрдые мышцы спины Анарада, то натягиваются, то бугрятся, сильная шея, широкие плечи, спина плавно суживается к бёдрам, и вода, сбегавшая с волос ручейком, прокатываясь вдоль позвоночника, вниз к ямкам поясницы. Встряхнув волосами, сбрасывая остатки воды - ледяной наверняка, княжич сорвал с рейки полотно, на плечо бросил и вдруг будто почувал, что на него глядят тайно - повернул голову. Агна отпрянула от щели, как об огонь обожглась, выронив из рук гребень. Но ничего не последовало, тишина.

«И чего так шарахаться?!» - укорила себя, что даже сердце разошлось, жарко стало. Подняв гребень с пола, Агна продолжила расчёсывать волосы, стараясь выбросить всё из головы, да долго не выходило.

Два дня текли медленно, и казалось - пути конца и края не будет. Холмы лесистые тянулись по берегам нескончаемым хвойным частоклом. Агна старалась выходить из своего укрытия, когда стихало все на ладье, избегая столкновений с княжичами, да совсем без этого не обошлось, благо, Вротислав больше не пытался её подцепить, хотя бывало подшутит, подмигнёт, да на этом и расходились. И уж не знала Агна, на что и думать, что так его сдерживало, уж её безобидными угрозами юношу не проймёшь, конечно. Но - слава Богам! - не трогает, и ладно - больше Агне ничего не нужно было.

Анарада она видела реже, чем его брата. Он большую часть времени на другой стороне ладьи бывал. Задумчивый и молчаливый. Холодный, как каменный идол стоял у кормы. Агна старалась не думать о нём, да взгляд всё за его фигуру так и цеплялся, будто назло, и почему - сама то не ведала. Наверное, хотелось заглянуть сквозь молоко тумана, что вокруг него всё сгущался плотно, да одним глазком увидеть, что творится внутри него. Хотя умом понимала, что желаний таких не должны рождаться в ней. Да с каждым днём злость её и досада острая таяли, как неокрепшее перволедье. И это тревожило её куда больше, чем осознание того, что путь их близится к концу.

Поутру лес вдруг начал редеть, сменяясь берёзовыми рощицами да ивняками - даже как-то светлее и просторнее стало не только вокруг, но и на душе. Осталась далеко позади Ледницы, о которой думала она часто. Ерия должна уже до земель Збрутича добраться. И вот одна деревня за другой показывались за каждым изгибом русла, да всё больше дворов начитывалось в деревеньках этих, сменявшихся длинными холмистыми насыпями - видно, курганов, с которых, пугаясь приближающей ладьи, с шумом взмывали в серое небо стаи ворон. По осени птицы собираются тучами.

Агна встрепенулась, до этого разглядывая незнакомые земли, когда мужчины зашумели весело и бодро. Княжна, ведомая их оживлением, различила во мгле туманной высокие зубчатые огородни, тянувшиеся по берегу полосой, а за ним ещё одни - более высокие да с башнями серыми грозными, что скалы, город раскрылся едва ли не на всё побережье, и ясно стало - ошибиться сложно - это и было княжество Роудук.

Глава 3

Глава 3

Анарад войдя в хоромину, бросил на лавку плащ, что по дороге снял с плеч, прошёл к столу и, подхватив чару, припал надолго. Сбитень был горький и сухой на вкус, но жажду с дороги утолял. Вротислав сидел в кресле уже без верхней одежды, разморённый духотой, и посмотрел на него с интересом.

- Что-то ты хмурый какой-то. Случилось что?

Анарад, напившись, отставил пустую чарку, подумал немного и налил из кринки ещё.

- А чему радоваться?

Вротислав потянулся за орехами, зачерпнул горсть, хотя челядь уже хлопотала на стол накрывать, накормить прибывших княжичей, внося лотки да енды со снедью разной. По прибытию князя в стане не оказалось - не вовремя. Переговорить бы с ним нужно было.

- А разве нечему? Пусть не нашли жреца, но не совсем же бесплодным оказался поход. Девка его теперь с нами, - поднёс к лицу горсть, высыпав в рот всё разом.

Девка... Анарад хмыкнул, поболтав золотисто-мутную жидкость, пить перехотелось. Анарад отставил чару, опустился напротив Вротислава.

Никакого толку с того не было, только спугнули жреца. И будет ли толк с неё? С этой несносной гордячки, возмнившей о себе невесть что! Порой её хотелось отходить ремнём по одному месту или за борт спустить. Анарад почти пожалел, что потащил её за собой, только смуту наводила лишний раз среди воинов. Та, какая бы нестерпимая и скверная по нраву не была, а женский подол туманил глаза кметям. Да и назло девка оказалась на лицо смазливой: нос тонкий точёный, будто из берёзы выструганный, и губы что цветок шиповника розовые, мягкие, глаза сине-серые, как вода речная, волосы выющиеся блестящие, свитые в тугую косу русую с медным отливом, и хотелось порой до слепоты и какого-то приступа безумия намотать их на кулак да дёрнуть побольнее, чтобы прятала их, перед мужскими глазами не хвастала, не выпускала из-под платка. Выводила из себя страшно, как бы он ни старался отрешиться. Но такое буйство находило, когда смотрела свысока, надменно, кровь вскипала в жилах. Он держался подальше от неё намеренно, чтобы не сотворить непоправимое. Вротислав прав - она ещё сгодится. И предстоит поговорить, вытрясти ответы, хотя разговаривать с ней у него не было никакого желания. Одно то, как она рванулась от него и пыталась ускользнуть ради этого жреца, бросилась в воду, сумасбродная, вытряхивало его наизнанку. Пусть Вротислав и говорит с ней, у него это - Анарад глянул на брата - получится лучше. Внутри неприятно свернулось, вспомнив, как Вротислав прохода почти не давал лесной дикарке. Хотя это не должно его трогать - настоял взять её, вот и пусть теперь сам с ней и разбирается.

- Куда ты её отправил? - вырвался сам собой вопрос.

- Голубку нашу? - Вротислав, засучив рукава полотняной рубахи, потянулся к лотку с утицей, что поставила в середину стола чернавка, отламывая добрый кусок горячей исходившей паром мякоти. - В баньку первым делом. Что? Что на меня так смотришь? С дороги же. А там дальше чернавки позаботятся.

Анарад тоже отщипнул ломоть птицы.

- Найтар как скоро вернётся?

- А кто знает? Зар сказал, должен через день-два.

Князя Найтара он никогда не звал отцом, хотя тот вырастил его с малолетства - слишком явственна память о родном отце... Да и Найтар не сильно на то обижался, но относился всегда так же, как и к своему родному сыну Вротиславу. А этим летом бояре и старейшины поговаривают уже собрать сход да закрепить княжий стол истинному наследнику, поставить Анарада во главу его, как бы ни оттягивал он, отгораживаясь от разговоров о том. С одной стороны долг и

род призывает его к тому, но с другой... Найтар был ещё крепок и духом, и телом, и правил он добросовестно, стеной стоял за свой народ. А потому вновь неугасимое невыносимое желание найти отца вспыхнуло в Анараде с новой силой, испепеляя его изнутри. Анарад ощущал, будто чья-то немая воля звала его, толкая встать на путь. Этот жрец - Воймирко - был ниточкой к той давней загадке, случившейся пятнадцать зим назад. Он жив - Анарад это ощущал, и Домина твердит о том, а ей он верит.

Наевшись до отвала, Анарад отодвинулся от стола, и усталость разом навалилась на плечи, будто в отместку за те бессонные ночи, что он провёл в пути.

- Куда ты? - поднял на него взгляд Вротислав, когда Анарад поднялся со скамьи.

- Пойду, расспрошу, чего тут без нас произошло, да куда и по какому делу князь уехал. А потом в баню.

Вротислав, развалившись в кресле вальяжно, ухмыльнулся каким-то своим мыслям, а потом, зевнув широко, взбил пальцами волосы.

- Хорошо, а я прикорну сначала, пожалуй, что-то глаза слипаются.

На этом и разошлись.

Едва Анарад вышел на крыльцо, остановился, слыша со двора лай псов и голоса челяди, и запах дыма, наполненный пряным ароматом еловой смолы, перед глазами мгновенно появилась огневолокная дева с карими до красной ржавчины глазами. Запах дыма всегда напоминал ему эту чародейку, которая имела слишком много власти над ним, чем думал сам Анарад, ощущая, как внутри будоражится всё от предчувствия скорой встречи. Голос Вротислава, донёсшийся из хоромины, отдававший указания чернавкам, заставил охолонуть да одуматься вовремя. С Доминой он увидится потом, и ему самому не помешал бы сон, но не сейчас.

Выйдя на лестницу крутую, Анарад скользнул взглядом по полнившемуся кметями двору, приметил белокурую голову Грошко - отрока тринадцати зим. Мальчишкой желторотым взяли ещё позапрошлой зимой обучаться ратному делу.

- С нами девица одна пришла, видел? - спросил у него, когда тот подбежал прытко.

Грошко кивнул, шуря голубые глаза.

- Зовут Агна, найди её и передай, чтобы отдохнула как следует, а утром разговор будем с ней вести.

- Понял, - кивнул отрок да пустился через людный двор.

Анарад пронаблюдал за ним, положив ладони на пояс, вспоминая, как лесная жрица одарила его недобрым взглядом, когда сошли с ладьи, и она, будто нарочно, оступилась и упала прямо ему в руки - до сих пор в ладонях осталось ощущение тонкого стана - а потом отпрянула, как будто к углям прикоснулась. Оно и понятно, может, конечно, он перегнул палку, когда набросился у реки. Хотя такой и поделом.

Отрок уже давно скрылся в глубине двора. Анарад зло выдохнул, скользнул взглядом вдоль построек, да вдруг глаза зацепились за белый подол, что мелькнул у ворот и тут же он исчез вдруг - её он узнает из сотни женщин - Домина прошла, плавно качнув бёдрами. Только что она тут делает? Анарад всё смотрел в ворота, но так больше ничего не увидел - пустовали. Нет, ему точно нужен отдых! И всё же мимолётное, но настолько яркое желание толкнулось внутри горячим всплеском - стиснуть её в объятиях да вдохнуть запах огненных волос, острая жажда эта почти оглушила. Анарад тряхнул головой - вот же девка распутная в голову вкралась! А он слишком напряжён...

Анарад так и стоял, раздумывая, пока со спины не услышал шаги.

- С прибытием, - Диян обошёл, положив ладонь на плечо, чуть сжал и выпустил, оглядывая орлиным взором свою ватагу дружинников, что ещё сновала у конюшен, встал перед Анарадом.

- А я как раз тебя собирался искать.

Если сотник тут, значит, Найтар недалеко уехал.

- А зачем меня искать, я сам прихожу, - выпятил Диян крепкую гранитную грудь, погладив русую бороду.

- Куда князь уехал?

- Да по делам каким-то в Борицы, через день обещался вернуться.

В соседнее городище князь часто навещался, бывало, и неделями пропадал. Анарад выхватил взглядом приближавшегося к ним лёгким пружинистым шагом Зара. Вот кто на дороге, верно, родился: неделю пути да шастанье по лесам - а он бодр, будто и не ездил никуда. Анарад часто брал его с собой, если покидали надолго княжество. Лучник он отменный, мог встать вровень с ним.

- Вроде все с берега вернулись, - отчитался он перед сотником.

Резвое жеребячье ржание и крепкая брань раздалась по другую сторону высокого частокола, заставив разом обернуться троих мужчин.

- Ааа, - засмеялся Диян, - это нам лайтарцы подарок прислали - породистые скакуны из самого княжества Воловьего рога доставлены были, - разъяснил сотник.

- Это за какие заслуги? - повернулся к нему Анарад, но тот шутить и не думал.

- С лайтарцами стычка вышла с перекупщиками, опять не поделили чего-то, руготню затеяли тёмную, много товара было порчено. Ушкуи лайтарцы перевернули, утопив всё добро. А теперь князь Ярун решил сдобрить, стало быть, неурядицу, что учинили его люди.

Зар, выслушав сотника, хмыкнул только - что тут ещё скажешь?

- Скорее, откупиться решил, - поправил его Анарад. - Пусть Найтар приезжает и с ним разбирается.

- Пускай, главное, что без крови обошлись. Хотя бы я на твоём месте, - глянул на княжича Диян, - потолковал бы с Яруном сам.

Понятно на что намекал сотник - брать понемногу бразды правления на себя, да только душа кривилась от того. А Диян, ясное дело, как лучше желает, он служил у Вороты - отца, в верности ему клялся. Когда-то...

- Прямо совсем без крови? - вмешался Зар, прерывая молчание.

- Не совсем, - нарочито сокрушённо качнул головой Диян, - но три носа сломленных не в счёт.

- И у кого же именно? Не говори, что Дагше тоже досталось? - вскинул бровь Анарад.

Дагша мужик хоть и старый, но купец из него жадный. Теперь придёт жаловаться, если уже не обивал порог. За частоколом унялись звуки, видно, усмирили жеребцов.

- Ладно, - дёрнул Анарад на ворота шнур рубахи, обращаясь к побратимам, - там уже баня истоплена, пошли, нечего тут торчать посередине двора.

Пройдя мимо громоздких теремных хоромин, выстроенных со времён не таких уж и давних, мужчины вышли в сосновый бор, где на травянистом берегу и были сложены длинные срубы. Городни будущего Роудука поставил отец, принеся в жертву и заложив в стену вола, что выращивали волхвы много зим для этого случая. Массивные витые рога животного до сих пор на воротах и висят - память и обрег. Земли здесь поначалу, как спустился на ладье по реке Сохша отец со своей дружиной, были не обжитые, дремучие, потом подтянулся и его племянник, поставив стены городища Борицы. А вот збрутичи, заселили леса по другую сторону реки Полозь уже с давних времён хотя княжество то и не большое. И всё же поход этот за жрецом всё же и в самом деле - прав Вротислав - задаром не прошёл, заодно и осмотрелись сами. Получается прореха большая меж княжествами Збрутичем и Роудука - ничейные земли. Впрочем, думать об этом пока Анарад не желал. Чудилось уже в густом паре стройное тело Домины, её белые, в обхват ладоней, груди, к которым рыжими змейками липли пряди волос, и до дрожи в мышцах, до тяжести в паху хотелось слизать с её бархатной кожи каждую капельку воды...

Странно, никогда не испытывал такой дикой жажды в ней, хотя что тут странного, хотелось сбросить всю тяжесть, что накопилась за эту седмицу. Вспомнив нелюдимую синеглазую

гордичку, горячее вожеление остыло мгновенно, появилось знакомое смятение. Проклятье. Анарад сел на влажную в березовых листьях лавку, в глазах от притока крови потемнело на миг. Он слышал разговаривавших в предбаннике Зара и Дияна, которые, напарившись вдоволь, сидели, распивали квас. Смахнув с лица мокрые волосы, Анарад посмотрел в узкое продолговатое оконце - темнело уже. Все не выходило из головы, как рьяно она защищала его, что глаза дымчато-синие темнели омутами, а зрачки ширились пропастями. Не понимает, что жрец использует её.

Анарад поднялся, выйдя в предбанник, взял чистые одежды.

- Уходишь? А с нами кваса распить? - Диян придвинул кружку.

Анарад натянул и завязал тесьму, подхватил, осушая до капли - пить хотелось сильно, хлебный душок отдался в нос.

- Экий ты быстрый.

- В дружинной избе встретимся, - поставил на стол кружку, - там уж выпьем чего покрепче.

Взял рубаху, вышел на низкий порог под раскидистые массивные лапы старых замшелых сосен, под которыми сумрак густел куда стремительней, чем над верхушками. Свежесть вечера плотным пластом оседала на землю - что ни говори, а уже пахло зимой. Если до первого снега не найдут Воймирко, то придётся затею эту оставить до весны. Слишком долго.

Анарад уловил просочившийся через стынть запах дыма, втянул его, прикрыв веки, и выдохнул, раздувая ноздри, устремляя взгляд в гущу бора. Шагнул с порога, на ходу натягивая на чистое тело рубаху, так и оставшись босым, ступал по жухлой траве, усыпанной шишками. Запах становился всё гуще, а холод уплотнился. Костёр жгли на окраине бора - все называли его слепым холмом, потому что лес выходил за пределы города и обрывался далеко у берега. Вспорхнула сова с ветвей, сбрасывая на княжича колючую старую хвою, мелькнул огонь среди деревьев. Анарад улыбнулся.

Здесь, недалеко от стен, таилось старое заброшенное капище, к которому посадские приходили редко, хотя раньше оно было единственным местом, связывавшем людей с Богами, но, когда построили в самом городище новое святилище, тропки сюда заросли - капище стало частью дикого леса. Домина любила здесь бывать, хотя Анарад не понимал, что её тут привлекало.

И сейчас, по всему, видно, оживила она огнём священный холм. Анарад, пригибаясь под низкими лапами, вышел к берегу. В избёнке, что выросла в землю чуть поодаль от частокола святилища, горел огонь. Изба была старой, и считали, что была поставлена одним волхвом, что жил тут до того времени, как пришли князья.

Поднявшись по скособоченному от старости порогу, княжич толкнул дверь, вошёл, низко пригибая голову в натопленную клетушку, пахло запахом травяным. Анарад оглядел стол, на середине которого стояла глиняная плошка, наполненная маслом, фитиль в ней горел тускло, освещая стены с полатами и лавками. Домины здесь не было. Княжич прошёл чуть вперёд, положив ладонь на пышущую жаром белёную мелом глиняную стенку печи.

Внутри него жар разлился жидким сплавом, когда слух тронул почти бесшумные шаги за дверью, и не успела Домина войти в дверь, как Анарад сгрёб её в охапку и к стене притеснил, сжимая упругие груди с твёрдыми сосками, упершимися в его ладони горошинами. Не испугалась - знала, что внутри её ждали, погладила лопатки порывисто, вонзая пальчики в мышцы, сминая и сводя, от чего дрожь потекла по телу к самым стопам. В тусклом свете влажно и вожеленно блеснули её глаза. Он, напряжённый до предела, поймал её холодные с улицы губы, впился жадно и одичало.

- Тише, княжич, тише, - прошептала, - весь пыл свой растеряешь раньше времени, - тихо и бесстыдно рассмеялась, прижимаясь гибким станом к его телу - дразнила нарочно.

- А за это ты не переживай, Домина, - Анарэд собрал в горсти её густые, переливающие блеклым золотом, мягкие, как лебяжий пух, пахнувшие еловой смолой и горьким дымом волосы, поднёс к лицу, втягивая запах, потянул назад, другой рукой сжал её челюсть, разжимая и впиваясь поцелуем в раскрывшиеся губы, перекрывая ей дыхание, но уже не таким рьяным - не спешил, смакуя, будто сладость ягоды малины, вкус её тонких, но чувственных губ. Домина задохнулась, обхватила его уже крепче. Анарэд, теряя терпение - оно и так его жгло нестерпимо изнутри весь вечер - подхватил её под бёдра, поднимая с пола, пронёс к столу, умастив на самый краешек. Молча собрал вымокший в росе подол, задирая его до пояса, огладил покатые твёрдые бёдра, смял да рывком к себе ближе рванул.

Домина ловко сдёрнула с него рубаху, огладив ладонями грудь, потянула тесьму на штанах, приспуская их, огладив отверделую, налившуюся свинцом плоть, обхватила крепче его пояс ногами, что даже искры посыпали перед глазами от влажного прикосновения горячего лона. Анарэд, обезумев вконец, дёрнул ворот, выпростав женскую белую грудь, припал губами, согревая дыханием, сомкнул губы вокруг горошины, огладив языком.

Домина вскрикнула и выгнулась, запустив пальцы в его волосы, потянула больно. Анарэд, прикусив сосок, отстранился и, опёршись о стол ладонями и придавливая тяжестью своего веса, грубо толкнулся, позабыв о ласках, нависая над вздрогнувшей под его натиском Доминой, чувствуя влажную глубину, и как она охватила его плотно, призывая бешено врываться в неё, не останавливаясь, до потемнения в глазах, до испарины между лопатками.

Анарэд, смотря прямо в затуманенные глаза Домины, принялся размахистыми ударами толкаться в неё непрерывно, ощущая, как с каждым движением волны блажи тяжелели, разливались по телу сплавом, и темнело в глазах, и кровь в пах ударяла жарко и больно. Домина, вздрагивая под мужчиной, вцепилась в него, обжигая разгорячившимся дыханием шею, выпустила из горла стон. Анарэд, продолжая вдавливать женщину в стол, на котором она едва удерживалась, держась за него, оглох на миг от собственного взрыва и, излив в горячую глубину себя, остановился, медленно продолжая насаживать на себя, скользя и проникая размеренно. Домина только задыхалась часто, не в силах выдержать эту муку, хватая ртом душный воздух, прильнула, как берёзовый лист к его влажному телу, испуская пронзительные стоны. Отдышавшись, Анарэд обхватил её затылок и припал к горевшим губам, собирая остатки дрожавшую на самых краешках уст истому тягучим поцелуем.

- Безумный, - прошептала она, обжигая его губы дыханием, обвив шею княжича, плавилась как размякшая глина в его руках, сдавила плотнее ногами, задерживая внутри себя.

Анарэд, как спала туманная пелена, всё же отстранился, выскальзывая из неё, поправил штаны и прошёл к печи, видя краем глаза, как Домина села, свела колени и одёрнула подол.

Подобрав несколько поленьев, Анарэд кинул их в топку, жар огня дохнул, высушивая лицо.

Сердце колотилось бешено, в голове треск и смутные обрывки воспоминаний: всполохи огня, чёрная сажа заполонила глаза, забило дыхание, песком оседая на языке и зубах, огонь жалил со всех сторон, тлея одежда, и дикие женские крики звоном раздались в голове, раскатывая на части. Анарэд стиснул зубы, встряхивая головой, сбрасывая прах прошлого. Он остался там, в подполе, запертым, и как только не задохнулся от дыма. Анарэд помнил этот миг отчётливо, он в сердце врезался серпом, кромсая его на куски безжалостно. После того, как случился пожар, сгинул и отец. Провалился как сквозь землю, хотя в день пожарища он был в стенах города. Прошное часто заставляло его сердце бешено колотиться...

Анарэд стоял у очага, наблюдая, как вихрится огонь в топке, как играют отсветы и тени на стенках. За треском дров княжич расслышал шуршание ткани и лёгкие шаги Домины.

- Что с тобой? - спросила она, приближаясь неспешно. - Что-то случилось? Ты какой-то... другой.

Ладони легли на плечи, скользнули на грудь, Домина прильнула к нему, положив голову - мягкие волосы приятно окутали спину. Анарэд, качнувшись, прикрыл веки, сбрасывая дурное наваждение, втянул в себя жар пламени.

- Мы не нашли его, - Анарэд сжал её ладонь.

А больше и ничего не случилось, он по-прежнему такой, каким был всегда - замкнутым и холодным, а порой и жестоким. И только Домина могла прикоснуться к нему, хотя и не всегда позволял. Она знает его желания, помогает ему найти отца, верит ему. Сколько длиться их связь? Вот уже вторая зима подходит. Это слишком много для мимолётного увлечения, и интерес к ней не угасал, напротив - она стала его отдушиной, тем клочком живой души, где он себя ощущал не одиноким, порой ему казалось, что она и есть его ключ и источник силы. И тогда Анарэд сознавал, насколько прикипел к ней со всей страстью, и не мог понять, что именно чувствовал к ней, но одно осознавал отчётливо - рядом с ней ему было хорошо, спокойно.

Пыл постепенно сходил, и дыхание вскоре стало спокойным. Шесть зим назад она потеряла мужа, вдовствовала, отдавая себя служению.

- Меня долго не было в княжестве. Тебе что-то нужно?

Анарэд ощутил, как Домина улыбнулась мягко - он знал, что сейчас она хитро сощурит глаза и соберутся морщинки в уголках.

- Кроме твоей ласки, Анарэд, ничего, - Домина высвободила руку, провела кончиком пальца по спине, вырисовывая на коже какой-то узор, а потом Анарэд ощутил её тёплые губы на том месте, где только что касалась, скользнув мягко вверх. - Князь Роудука не забывает о своих подопечных.

Услышав это, Анарэд развернулся, обхватывая Домину притянул к себе, внимательно вглядываясь в её лицо. Домина - женщина, но черты её были молодыми: распахнутые карие глаза, щёки с проступившим то ли от жара, то ли от недавнего соития неровным румянцем - как у девицы, золотисто-рыжие, чуть взъерошенные волосы густыми волнистыми ручьями падали до самого пояса, тонкая шея с нежной кожей созданная только для поцелуев, высокая грудь и бедра округлые - вся справная да гибкая, как раскидистая ива. Быть может, не теряла она своей живости девичьей от того, что не обременена детьми да заботами житейскими? Или знает чары какие хитрые. Впрочем, ему было всё равно, она его притягивала своим пламенем и страстью, безумно и неудержно. Она не как это глупая девка - строптивая дикарка из леса, одержимая своим жрецом.

- И часто ли князь вспоминает о своих подопечных? - Анарэд отгоня прочь непрощенную мысль, крепко смял упругие ягодички Домины.

Та даже выгнула бровь, в тених ресниц блеснул лукавыми огоньками взгляд.

- А с чего ты вдруг так затревожился, княжич? У князя уж такая доля - заботиться о своём народе. А ты... - она подтянулась на носочках, едва дотягиваясь до губ Анарэда, прошептала горячо: - как станешь князем, тогда и сам позаботишься.

Анарэд нахмурился, выпустил Домину. Не желая продолжать о том разговор, молча прошёл к столу, где лежала его рубаха, оставив служительницу стоять в растерянности.

- Так что с Воймирко? Не вышли на его след? - спросила после некоторого раздумья - вернулась к прежнему разговору, но, поняв, что продолжать не стоит, сдёргнула с петли рушник, подхватила им котелок, что томился на печи, поставила на стол и достала деревянные плоски.

Анарэд, нацепив рубаху, рухнул устало на скамью - всё же дорога вымотала изрядно. Вротислав, верно, выспался уже да распивает с дружиной брагу за одним столом.

- На след не вышли, - буркнул княжич, когда Домина вернулась к столу, - но... - Анарэд замолк, решая говорить о дикарке или нет, хотя чего таить, узнает скоро сама обо всём, если уже не вызнала, прикидываясь только. - Мы, поймали кое-кого...

- Кого же, позволь узнать? - искренне проявляя интерес, спросила Домина и, бегло взглянув на него, двумя ловкими движениями разлила исходящий паром отвар в плошки.

- Девицу одну, считающей себя его ученицей.

Домина обожглась даже, пролив немного травяного отвара на столешницу, задумчиво хмыкнула, отставив котелок, протянула Анара́ду наполненную плошку.

- Пей, силы быстрее вернуться, - села напротив. - И что же она?

Анара́д, понаблюдав, как женщина сдула пар, вытягивая губы колечком, одновременно убирая свободной рукой упавшие на щеку непослушные завитки, почувствовал, как грудь - и с чего вдруг? - наполняется теплом. Да, пожалуй, вдовица, запала глубже, чем мог он позволить себе.

- Мы её сюда привезли.

- Сюда? - подняла на него удивлённый взгляд.

Анара́д неспешно втянул в себя, обжигая язык, горячую жидкости, чуть горьковатую, но мягкую на вкус - утолить жажду самое то.

- Ты не ослышалась, - поставил плошку, видя - уж не слепой - как её весьма насторожила эта весть. - Думаю, она нам ещё сгодится. Жрец использовал её, правда, пока она ни в чём не признаётся, молчит. Утром будем говорить с ней ещё раз. В конце концов он так просто её не оставит, слишком долгая у них связь.

- Откуда ты это знаешь?

- Расспросил местных той деревни.

Домина опустила ресницы, долго смотря перед собой.

- Если она молчит, то уже напрасно с неё что-то требовать... Она не скажет. А Воймирко не дурак, не пойдёт в ловушку. Лучше тебе её отпустить.

На самом деле Анара́д думал так же, но попытаться всё же стоит.

- Посмотрим, - вздохнул, но как бы в груди не давила тяжесть, а силы помалу возвращались.

Некоторое время они пили отвар молча, раздумывая каждый о своём.

- Я думаю, может, стоит бросить силы на поиски Когана, найти их гнездо да выпотрошить их до одного.

Домина пронизала его испуганным взглядом.

- Ты слишком вспыльчив, Анара́д, - нахмурила брови. - Приближаться к Когану опасно, ты можешь навлечь на себя беду, да и не только на себя, а на княжество, свой род. Осторожней, прошу тебя.

«Который и так оскудел», - рвалось с языка раздражение, но Анара́д ничего не ответил.

- Мы уже прокляты, Домина. Порой кажется, что я на самом дне, хотя привык считать, что так и должно быть, - тяжёлый взгляд княжича упал на женщину. - И найти бы того, кто наслал это чёрное зло, что сыпется на нас ослепляющей пылью.

Домина, выдержав ожесточённый напор, вдруг поддалась вперёд, протянула руку, накрывая ладонью сжатую в кулак руку мужчины.

- Ты просто устал. Тебе нужно отдохнуть, - заговорила мягко и вкрадчиво.

Анара́д покачал головой.

- Перестань меня усыплять, Домина, и говорить, что всё хорошо - это не правда.

- Усыплять?..

Домина одёрнула руку, поднялась со скамьи, медленно обошла стол, встряхивая огненной гривой волос. Приблизившись со спины, ладонями скользнула по плечам, огладив, тонкими пальцами смяла твёрдые гранитные мышцы. Приятное тепло полилось по рукам и спине, расслабляя, делая тело мягким, как горячий воск. Анара́д закрыл глаза, позволяя Домине ласкать его. Служительница склонилась, обдав густым еловым дразнящим запахом.

- ...Сейчас ты кипишь яростью, - зашептала она в ухо, - напрасно изводишь себя бессмысленными метаниями. Но послушай меня, сейчас нельзя покидать княжества надолго, а поиски Когана отнимут не дни и недели, а годы. Ты нужен здесь. Старейшины видят в тебе будущего правителя, они видят в тебе силу, ты не должен сейчас уходить.

- Занять княжеский стол, не зная, что случилось тогда, много зим назад, с отцом? Не узнав, почему он покинул княжество? Нет, Домина. Если ты говоришь, что он жив, я обязан его найти.

- Всё верно, - прошептала ещё глуше, скользнув краями губ по шее, - но не сейчас, Анарад...

- Потом уже может быть поздно.

Домина вдруг убрала руки, прекратив доставлять удовольствие. Послышалось шуршание, а следом её платье бесшумно скользнуло на пол сбоку от него. Анарад развернулся. Глаза Домины в тени золотистых волос зияли колодцами, были холодны и далёкими - от них можно было оцепенеть, но только не ему, не Анараду. Он огладил её взглядом: её грудь, покрывшаяся мурашками со сжатыми топорщащимися сосками от движения воздуха вздымалась обрывисто, мягкий живот, и ниже... Анарад сам не помнил, как притянул её к себе, припадая губами к ложбинке между грудями, накрыв ладонями, стиснул их. Домина откинула голову назад, запустила пальцы в волосы, вороша их. Всколыхнулась и прокатилась по телу горячая волна, будоража.

- Ты очень много значишь для меня, княжич, - прошептала глухо, опускаясь на его колени, прильнув всем телом. Анарад огладил плечи, смял бёдра крепче, плотнее рванул на себя - все мысли разом смыло оголившееся дикое желание, когда его палец - сначала один - проник во влажное лоно, потом и другой. Стон Домины влился в уши, упав на самое дно, разносясь оглушительным эхом во все стороны. Анарад слизал чуть солоноватую проступившую испарину с соска, потом с другого. Домина задвигалась в такт его движениям, насаживаясь ненасытно, отчаянно, пока в глазах княжича ослепительно вспыхнуло.

Домина, задышавшись, слепо ткнулась лбом в его лоб, но Анарад видел совершенно не её, а серо-синие полные яркой спесью глаза другой. Анарад зло зашипел, оскаливаясь, рванул завязки на штанах, ворвался в тугое лоно слишком резко и грубо, но Домина с бурным вождением приняла его в себя целиком, поддавая бёдра его ударам, подпрыгивая от жёстких толчков, вцепившись, как в спасительный берег, вскрикивая на волнах блаженства, которое вскоре подхватили и его, унося прочь в бездонную пучину горячей страсти. Он подумает обо всём утром.

Глава 4

Глава 4

Как ни удивительно, спала Агна на новом месте крепко, и снились ей леса зелёные, облитые тягучим жёлтым солнечным светом. Казалось, воздух светился и пах, наполненный цветочной патокой, и был так сладок, что дышалось с трудом, и голова шла кругом. Еще снилось поставленное неведомо кем среди чащи лесной древнее капище, громоздились птицы на вершинах деревянных, от времени мхом покрытых истуканов. И так хорошо было, спокойно на душе в этом месте, что уходить никуда не хотелось, сидела бы до самого заката и слушала, как шуршит трава под ногами, колышет ветерок соцветия белых ромашек, как звенит воздух чистотой, и поют птицы. Агна закрыла глаза, наслаждаясь священным торжеством жизни, сама становясь частью его, как вдруг что-то случилось - смолкли птицы, и потемнело вдруг разом, подул холодный ветер, нагнав на ясное небо глыбы сажевых туч. Агна почувствовала, как тонуть начала, теряя твердь под собой, глянула вниз - ноги вязнуть стали, будто в песке зыбучем, утягивая под землю, что топкой, как трясина, становилась.

Агна всколыхнулась в постели, да так, что зацепила случайно крынку с водой, что на ночь рядом с собой поставила, опрокинула ее, та об пол и раскололась на черепки, разбрызгав воду. Послышался топот за дверью, створка распахнулась.

- Ты чего? - просунула простоволосую голову одна из челядинок - переступить через порог не решилась.

- Приснилось что-то, - рассеяно ответила Агна и провела по растрепавшимся волосам дрожащей рукой. Отдышаться не могла, но страх постепенно отпускал, боль, что скручивала всё тело, помалу унялась.

- Жили себе спокойно, нет вот - пустили неведомо кого, - просочилось недовольное ворчание в щель из соседней клетушки.

- Просыпаться уже пора, а ты спишь всё, - шикнула в ответ старшая, возвращаясь к себе, так и не сказав Агне ни слова больше.

Оставшись одна, Агна оглядела простую, но не малую клеть, куда вчера привели её переночевать, а то, что к чернавкам подселили, её несколько не удивило - с княжичей станется. Да и не знают они, кто она и чьего рода, потому сердиться на них не следовало, но не получалось, ведь как не плести нить, а привезли её сюда силой. Да если и узнают, нрава скверного всё равно не спрячешь. Им хоть чернавка, хоть княжна - всё одно, если в крови жестокость холодная - она никуда не денется.

Остатки страшного сна сползли с Агны, покалывало только кончики пальцев да ступни, и сердце ещё билось беспокойно, и пот этот липкий на шее и вдоль спины проступил - душно. Во рту сухо, а вода вся на полу осталась. Сон растолковать несложно было, ведь увязла она на беду тут - и не гадай, всё и так ясно. И чего ждать от неприятелей? Не знала княжна, а потому готовой нужно быть ко всему. И всё же вразумить не могла она - зачем потащили с собой? Издёвки ради? Ведь всё одно не скажет ничего, и не смогут выпытать из неё ни слова - это она с самого начала дала понять, а то, что Вротислав охоч руки свои пускать - управу Агна на него найдёт.

Вспомнила княжна - вчера отрок прибежал, оповестил, что братья толковать с ней утром станут - повернулась, рукой скользнула под подушку, нащупав прохладу стали, сомкнув пальцы, нож вытащила, к груди приложила, согревая отцов подарок у сердца - пусть только попробует приблизиться! Не зря Воймирко малость обороняться учил от зверя лесного - княжичи от тех не шибко отличались. Посидев ещё немного, Агна откинула тяжёлое меховое покрывало, поднялась торопливо, надев мягкую обувь - пол холодный в это время. Прошла к столу, взяв лучин, подожгла от углей в очаге, расставила в клетки, стало ещё спокойнее.

Тихонько собрала осколки и на стол их положила, к окну прошла, отодвигая волок - свежесть утренняя пахнула в лицо запахом осени глубокой и холодной, на небе бледном ещё стыло блестели бусинками звёзды, но скоро и они погаснут - утро занималось хоть и медленно, но неотвратно, как и должно быть. Да не желала она такого скорого утра, и видаться с осхарскими княжичами. Впору хоть побег учиняй. Агна даже разозлилась на себя за собственное малодушие, да только как не тревожиться, ведь от отрока узнала, что князя Найтара в городище не было, и вернётся неизвестно когда. Закрыв окошко, Агна вернулась к постели, заправила её хорошенько, нашла наряд в мешке своём с добром скромным. Выбрала платье попроще, что имелось у неё, из мягкого льна - под низ, и ещё одно - тёплое из сукна не крашенного, и пока одевалась да волосы в косу тугую заплетала, послышались голоса за дверью - просыпалась челядь. Недовольное ворчание и смешки обрывистые, шёпоты - наверное, о ней толковали, о чужеземке, что княжичи с собой приволокли. Как бы Агне это не нравилась, а поделаться ничего не могла, пока она здесь пленница, и никто не поверит ей, посмеются только. Только князя ждать - уж он-то её речи поймёт. Должен.

Как в клети совсем светло стало, Агна погасила лучины. Не знала, чем себя и занять. К окну подходила, выглядывала, да только, кроме клочка неба да высокой городни из толстых вязовых колод, ничего и не видела. Тогда неутешно на лавку опускалась, кладя ладонь на рукоять, что спрятана были в складках платья, на дверь запертую смотрела, слушая зыбкую тишину - чернавки уж все разошлись, поутренничав, по делам своим, к ней не заходили, и Агна поняла, что неспроста - видать, приказали. Как ещё замок на дверь не повесили. Да куда оно побежит? Тут в самом тереме заблудишься, один детинец чего стоит, огромный со стенами дубовыми в два ряда, башнями высокими - не так просто пройти мимо стражников. Родной Збрутич - не маленькое княжество, а против Роудука и не поставишь. Стены массивные так и давили, хоть отстроен, видно, не так уж давно - по срубкам, ещё не иссушенным солнцем, не почерневшим от времени. Неприветливые были стены, а может, отвыкла она от хором высоких сумрачных - всё на воле да на земле. Когда за дверью шаги торопливые гулкие послышались, княжна так и вспорхнула с лавки, вытягиваясь тетивой, да напрасно - чернавка пришла. Из разговора вчерашнего помнила имя её - Катая. Та, что раздосадована шибко была её появлением.

- На, вот, - едва ли не бросила на стол яства, что принесла, плошки глиняные так и грохнули, - с тобой не хватало мне ещё возиться, - буркнула она, хмурая тонкие брови.

Едва Агна стерпела слова резкие - проучить бы за дерзость, да с чего с той взять - каковы хозяева таковы и слуги. А она тут даже не гостья.

- Забери всё и унеси.

Та только подбоченилась, сузив в гневе и без того раскосые глаза.

- Сама и уноси, - хмыкнула, - будет ещё тут нос воротить, не получишь ни крошки до самого вечера, раз не голодная, - развернулась и назад к двери пошла.

Агна было спохватилась, да одёрнула себя - не станет ничего выведывать. Подождёт. Хотя княжичи явно не торопились звать её. И уж мысли стали вкрадываться разные, мельтешить - не забыли ли о ней? Да только как мелькнули в памяти глаза сумрачные стылые княжича старшего, сомнения вмиг рассеялись - нет, этот не забудет, всю душу выпотрошит, а своё получит. Но и Агна не так проста, как думают они, только девка она и есть девка - на скамью и под подол, а там докажи, кто смел. А потому оружие то, зуб острый, что висел на поясе, одной-единственной защитой ей был.

Время текло медленно, и казалось, уж обедня скоро - до того невыносимо стало ожидание, внутри дрожало и сжималось всё от предчувствия дурного, хоть в пору самой иди и требуй поскорее со всем разобраться. Как раздался грохот шагов - не ступал, а бежал кто-то. В дверь просунулась светлая голова отрока.

- Заходи уже, - сердито велела Агна, закрывая войлок окошка.

- Велено мне тебя привести, - виновато склонил голову, смотря смущённо, и негодование, что растравлено было ожиданием тягучим, улетучилось разом.

- Кем велено? - на всякий случай уточнила Агна, проходя к выходу.

- Княжичем Анара́дом.

- А тебя-то как нарекли родичи? - посмотрела ему в лицо, подходя ближе.

Отрок рослым оказался - едва не с ней вровень, вырастит юношей удалым.

- Нет у меня родичей, - буркнул он, разворачиваясь, спеша разговор зародившийся скорее прервать. - А зовут меня Грошко.

- Так были же?

Отрок через плечо обернулся, пронизывая ясными голубыми глазами, которые тут же погасли, будто замутились воспоминаниями.

- Ну, были. Забрал их Коган.

Агна так и закаменела, как в пол вросла.

- Как Коган? Зачем?

- Не знаю, мал был, ещё разговаривать не мог, да и не помню их. Пошли, велено же скорее, - поторопил сердито и пустился чуть ли не бегом по лестнице - поди, догони.

Мысли замельтеши в голове беспорядочно, и внутри ещё мрачнее стало, из услышанного Агна так ничего и не поняла. Шла за Грошко молча, отрок вёл через переходы сумрачные да двор небольшой, но уже полнившийся людьми, пока не оказались они перед крыльцом высо- ченным княжеским, что занимал едва ли не два яруса. Агна будто от морока очнулась, огляде- лась. По небу прозрачные облака текли, озарённые бледным золотом - утро уж вступало в силу, тени становились глубокими и синими, и воздухе собиралось последнее тепло. Агна заметила, что трава тут ссохшаяся вся, опутанная паутиной, в то время как на лугах ещё пасутся стада - осень тут будто торопилась к своему исходу. Сруб терема скалой нависал, добротный, на века поставленный, с оконцами небольшими, кровли коньками венчаные со звериными головами. А больше Агна и рассмотреть ничего не смогла, чтобы не отстать от Грошко, поспешила, под- нимаясь по высоким ступеням, и едва не выдохлась от такого крутого подъёма.

Вошли они в горницу, на удивление светлую, чем думалось. Здесь пахло совсем иначе, чем в избах чернавок: горечью и крепостью - мужичком духом. И сразу ясно стало, что женщин здесь меньше, а может, и вовсе нет. Едва они с Грошко прошли столбы резные, что подпирали расписной балочный потолок, Агна увидела длинный стол, застеленный скатертью белоснеж- ной с выставленной на ней щедрой снедью, за ним уже сидели княжичи - старший и младший. Появление девушки приглушило их голоса - они о чём-то разговаривали и смокли, когда Агна приблизилась. Ни один из княжичей не шелохнулся почтено приветствовать девушку - оно и понятно. Она для них по-прежнему девка из хоть и вольного, но простого роду.

Агна набрала в грудь воздуха, поняв, что и не дышала, но желать здоровья тоже не стала. Вротислав чуть голову русоволосую набок склонил, и взгляд его больше от неё не отлипал. Старший княжич - Анара́д - напротив, будто и смотреть на неё не желал, только вскользь как- то полоснул прохладой, сидел на скамье расслабленно, ворот его рубахи распахнут, поблёски- вало на шее сильной гривна витая, но душно тут не было, напротив, прохладно даже - такую хоромину не просто протопить так скоро.

- Садись, - велел Анара́д, - а ты ступай, только далеко не уходи, - наказал он отроку.

Грошко, приклонив низко голову, отступил вмиг, и его как ветром сдуло, только и слышны торопливые удаляющиеся шаги, что эхом отдаваясь по полупустым углам, ударили в грудь, поднимая в Агне ещё большую тревогу. Она прошла, не торопясь, не обращая внимания, как похолодели пальцы, и нутро сжималось, присела на скамью напротив братьев.

Агна удивилась даже приглашению такому щедрому девке простой - по-ихнему, хоть и жрице будущей: в горницу пригласить и за стол хозяйский посадить, будто ровню. Нет-нет, а мысли беспокойные всколыхнулись - догадались ли? Но нет - откуда?

- Угощайся, - приветливо улыбнулся Вротислав.

На столе чары с медовухой пахучей, лоток со щукой печёной - видно, они уже поутренничали давно и разговаривали о чём-то. Агна подняла глаза на Вротислава, тот продолжал вникать в неё, играючи скользя взглядом по шее, груди, так, что хотелось немедленно прикрыться от взора его горячего. Посмотрела на Анарада да пристыла к скамье. Чего вдруг - сама не поняла, но от того, как гулял в его взгляде какой-то шалый ветерок и, вместе с тем, сосредоточенно были сведены брови, внутри живота жар непонятный всколыхнулся, что Агне совсем не понравилось.

Он, не заподозрив ни о чём, оглядел вскользь, потянулся за чаркой. И не хотелось смотреть на него совсем, но не получалось, взгляд возвращался к нему, пристывая - понять бы, чем заняты мысли княжича. Да только отрешённость равнодушная его разгоняла в ней холодные волны. И совсем не уместно вспомнила Воймирко - так же иногда сидел он задумчивый, так же сквозил в его взгляде туман шальной.

- Как спалось на новом месте? - ожил Анарад, голос его прозвучал, как из глубин пещеры - холодно и гулко, под самую кожу забрался.

Агна вздрогнула, глянув на княжича - муть в его взоре рассеялась немного, и теперь смотрел с вниманием, хоть и так же прохладно - да ей по-другому и не нужно. Агна вспомнила сон свой запутанный, подбородок выше подняла, не ответила, выдержала его пронзительный взгляд.

- Так и быть, - сощурил он охмелённые неприязнью глаза, - попытаюсь донести суть твоего пребывания здесь, к сожалению, на нашу неудачу.

Агна сжала губы, пропуская через себя его колкость - пусть говорит, что хочет, хоть его слова каждый раз выдавливали воздух из груди, невольно обжигали. Она набрала в грудь воздух, сжимая на коленях складки платья, унимая дрожь.

- Пятнадцать зим назад пропал князь Вору́та - мой отец. До недавнего времени я думал, что он мёртв. Мне стало известно, что жрец Воймирко что-то знает о том, что случилось здесь много лет назад: кто пытался сжечь княжество - в пожаре погибла и княгиня.

Агна приподняла брови - признать, рассказ его короткий удивил: именно о князе Роудука поведала ей Ерия перед отъездом, а о матери княжича о пожаре - нет. Но чтобы Воймирко был как-то причастен к тому - такого не может быть, он честен с ней, и поведал бы.

- Как я могу вам верить?

- Это правда, - подтвердил Вротислав, будто его слова могут быть только искренни.

- А с чего вы взяли, что Воймирко знает что-то?

Анарад натужно вдохнул, видимо, терпение его быстро истощалось.

- Он служит Когану, а они - наши враги, - ответил княжич.

Агна вытянулась, пытаясь уместить всё в голове.

- Князь Вору́та отказал им в одной просьбе, - продолжил Вротислав, посерьёзнев разом, - и те наслали на род осхарцев проклятие. А чтобы от него избавиться, нам нужно найти Воймирко, который был приближен к князю. Он знает многое - Вору́та доверял ему. А потом - как сгинул князь - жрец бежал, унеся все тайны с собой.

Агна опустила глаза, раздумывая, а потом подняла на него взор.

- А если всё же князь Вору́та мёртв, и твои попытки найти его напрасны? Дай мне какую-нибудь вещь князя, что носил он у своего тела...

Взгляд Анарада застыл, в нём некоторое время буйство творилось, но вскоре утихло, будто примиряясь с просьбой, что далось ему - видно - с трудом.

- ...Я посмотрю, насколько правда то, что тебе твердят, княжич. Ты, верно, одно забываешь - что я всё же жрица и волхвовать могу. Мне нужно знать, что ты не обманываешь меня.

Княжич посмотрел на неё, а внутри всё на лоскуты рвало - всё же опасный у него взгляд и лучше избегать его.

Анара́д выпустил чару из рук, протянул к шее, сорвав гривну, покрутил её между пальцами, раздумывая недолго, протянул девушке.

Приняв его, тяжёлое и горячее от тела княжича, Агна попыталась рассеять все мысли ненужные, повертела в руках осторожно, оглаживая подушечками пальцем свитые в жгуты серебряные прутья, натертые до блеска кожей, зажала между ладоней, глаза закрыв и призывая волю и разрешение Богини Судеб Макоши открыть ей и показать, жив ли тот человек, что носил когда-то это украшение.

Сначала Агна ничего не увидела - чужое присутствие мешало изрядно, и мысли княжичей тяжёлые путали, но, отгородившись от них наговором простым, она ощутила, как ударила в ладони сила огромная, словно кипящая кровь по жиле потекла напором мощным, обдавая жаром с головы до пят.

Человек, что носил гривну, явно был жив. И не просто жив - бил в нём ключ живородный. Порой такая сила опасной считалась для простых людей. Любая сила - разрушающая или, напротив, возрождающая - если не владеть ей, вред может нанести. И лучше не подпускать её близко.

Агна нахмурилась, однако и с ней не всё ладно было, будто в места нити узлы тугие - не хорошо это, удавки означали давление воли чужой не доброй явно. Агна не смогло удержать да получше прощупать всё - у неё для этого и не хватит сейчас воли, по витым жгутам вглубь пошла дальше, где в недрах вязких, выдернула она ещё одну жилу. Та скрученная вся была: то била ключом свежим, то будто иссушалась вся, тонкой делалась, похоже, что тот человек, что когда-то носил эту гривну жив был - это правда, только по всему болен, не принадлежала ему жизнь, в чужих руках она передавлена рукой Марёны - смерти холодной.

Только вот такое дело удивительное - сила та, что хранило украшение, Агне знакома хорошо, будто не раз она её касалась - но ведь того не может быть!

Мысли стали путаться, а силы разом уходить, ладони закололо остро, а сердце затрепыхалось неровно. Агна вздрогнула, глаза открыть поспешила, вдыхая глубоко, возвращаясь в горницу светлую, поторопилась вернуть гривну княжичу. Тот с хмуростью принял, оглядывая девушку по-прежнему прохладным, недоверчивым взглядом.

- Что увидела?
- Жив тот человек, что носил когда-то обруч, только...
- Что? - поторопил с ответом Вротислав.
- Не князь это.

Анара́д хмыкнул, разочарование мелькнула в его очах смятением, спросил:

- А кто же, по-твоему?
- Не знаю... - честно призналась Агна. Воруту она никогда не знала, чтобы настолько близко знать его живу, что хранила в себе гривна.
- Лжёшь, - треском по льду врезался в пролившуюся тишину голос Анара́да. - Это вещь отцу принадлежала.

Вернул он на шею обруч, который только что побывал в руках её, силой буйной этого мужчины всё ещё опалая всю, тесно сделалось внутри от того, что коснулась его, будто что-то сокровенное узнав, что не следовало знать молодой девице.

- Насколько понимаю, это отказ нам? - прервал тишину младший княжич.
- Напрасно вы себя утруждаете, своё решение я высказала ещё в Ледницах, - ответила устало Агна, приходя в себя, сглатывая сухость, хоть и вложила в голос всю твёрдость свою.

В груди и трепетало всё, не ясно от чего - пугливой она себя никогда не считала, только откуда волнение острое взялось, что нутро всё морозило, понять не могла. Кожей ощущала прилипший к ней внимательный взгляд Анара́да - он не вмешивался в болтовню своего брата - но его видимое спокойствие пугало не меньше, зная какой он внутри - лучше бы и не смотрела, спокойней было бы.

Вротислав хмыкнул и поднялся вдруг со своего места. Сердце Агны дёрнулось больно, но сама она осталась сидеть на прежнем месте, прикованная стылым взглядом Анарада. Вротислав, обойдя длинный стол, приблизился к девушке нарочито медленно. Его ладонь крепкая в узлах вен легла рядом на столешницу, он склонился, нависая над ней низко, так, что горячее дыхание его, пахнущее чем-то горьким и кислым, по виску горячим комом прокатилось. Краем глаза Агна видела, как растянулись его губы в улыбке в щетине тёмной. Он отлепил от стола руку, протянул, взяв из плоски сушёную ягоду чёрной смородины, в рот себе кинул.

- Ты, видимо, неправильно всё поняла, - произнёс он, пережёвывая. - Твоему жрецу мы не желаем чего-то злого, - снизил голос до хрипоты. - Спросить у него кое-что хотим, очень важное для нас. Расскажи только, где он таится, в каком месте капище ваше? Больше от тебя ничего не требуется.

- С добром нож к горлу не приставляют, - огрызнулась Агна, утонув в голубизне глаз Вротислава - взвихрилась в княжиче прежняя буря ненастная.

Выпрямился он, видно, теряя последнюю надежду вытянуть что-то полезное из неё.

- И всё же совету тебе хорошенько подумать, - предупредил.

- Не смей мне угрожать, княжич - прошипел Агна и не узнала голоса своего, сама не поняла, как вспыхнула, как лучина сухая горячим пламенем, и залило разум - до того обида больно кольнула: она ничего не сделала им дурного.

В ушах зазвенело от наполнившейся горницу тяжести. Агна торопливо поднялась, намереваясь окончить этот бесполезный разговор. Вротислав, надо сказать, опешил от того, развёл руки - не пустил никуда и грудью пошёл, тесня от стола к стенке.

- Ох, ты какая! Не девица - огонь. Ты смотри у меня, а то ведь я тоже злиться могу.

Агна задохнулась, отступая, видя, как заиграли огоньки похотливые в очах Вротислава.

- Где князь Найтар? С ним буду говорить!

Вротислав застыл вдруг на месте, перестав загонять её в угол, расхохотался так громко и безудержно, надрывно, что эхо трезвоном отбилося от стены. Она осталась стоять на месте только потому, что оцепенела, не в состоянии шелохнуться. Анарад, что сидел глыбой недвижимой, наблюдая за всем, качнул головой, да так шарахнул по столешнице кулаками, что посуда брякнула жалобным звоном, подорвался со скамьи, сделала пару шагов стремительных и навис над ней, сметая дробящей яростью - так и разошлись сокрушающие волю волны от него, проломив одним ударом стену, что Агна выстроила перед собой. Мужчина грубо схватил её за подбородок, сковывая в пальцах больно, пронизывая взглядом бушующим, метким, ноздри его трепыхались в гневе.

- Хватит, - прошипел он сдавленно, - хватит прикидываться дурочкой и считать нас недоумками! Что ты себе возомнила?! С каким князем ты собралась разговаривать? Ты, девка деревенская, благодарить должна, что к тебе по-человечески!

Агна ощущала, как её трясёт всю дикой дробью, сжала губы и с силой ударила по каменной руке Анарада, смахивая её.

- Убери от меня руки, княжич, - прорычала она. - Это ты охолопись, ты и твой братец! Вы такие же слепые и чёрствые, как и ваши каменные души! - Агна осеклась, замолкла резко, теряя разом воздух в груди, а перед глазами каскад искр посыпался, голова закружилась.

Гнетущая, как недра воды, тишина объяла, даже безудержный смех Вротислава прекратился. Кожа горела там, где только что побывали его пальцы, даже ломило челюсть от его жёсткой хватки, а после - Агна уж того не ждала - всплыла комом ледяным обида, и глаза загло - понадобилось много воли, чтобы сдержать слёзы. Но всё же смотрела прямо, дышала часто и глубоко - не сломится пред ним ни в жизни!

Анарад поднял подбородок, посмотрев с высоты могучего роста, под тенями ресниц только пустота разлилась, будто и в самом деле в себя пришёл или, напротив, заглушил одной волей гнев.

- Ты хотела сказать - мёртвые. Мёртвые души, - он отступил, но только для того, чтобы рвануться вперёд в одно мгновение руками её сковав, как в ловушке, дернул за собой, и та сила что Агна чувствовала только недавно, хлынуло волной сокрушающей. - Действительно, это так, - прошипел он на ходу за собой потащил вглубь терема. - Будешь сидеть под замком, пока он сам за тобой не заявится.

Агна задохнулась, и будто в пропасть канула, едва поспевая за его широким шагом. Вро-тислав, оставшись позади, воскликнул только:

- А ведь могли бы всё миром решить!

Агна высвободиться попыталась, извернуться да ничего у неё не выходило против немеченой мужской силы, только хуже сделала: Анарад поперек талии её перехватил, вышибая воздух, взметнулся по лестнице - потащил на верхний самый ярус в хоромины глубокие, пустые и сумрачные. От его хватки в глазах потемнело, и дышать трудно стало, ничего не видела, переход тёмный только, а потом удар - ногой по двери шарахнул княжич, открывая.

- Пусти, - жар залил лицо от стыда и возмущения, она вцепилась в его сдавливающие её стан руки, скованная ими, словно широкими обручами, и хоть бы что! - Не трогай меня, отпусти.

Он грубо поставил её на пол - Агна едва равновесие не потеряла, но Анарад упасть не позволил, вновь за шею под затылком схватил ручищей и рванул на себя, так, что Агна удари-лась о его грудь, успев увидеть, как закручивается в синих глаза смерч.

- Будешь сидеть тут, волчица, пока не решишь говорить, - прошипел сквозь зубы он, простреливая взглядом губительным с блеском, настолько морозным, что снова холодно в животе сделалось. Анарад сжал губы, свысока посмотрел, опуская взгляд ниже, сначала на её губы, потом к щеке, и пальцем надавил в том месте, где остались ещё следы синяков от укуса Вро-тислава. - Я смотрю, привыкшая ты, что все тебя по шёрстке гладят.

- А тебе, выходит, никто отказ ни в чём не давал, - оборонилась тут же Агна.

- Верно думаешь, только ты забылась, где ты и кто перед тобой.

Агна раскрыла губы, чтобы говорить, и тут же поймала на выдохе едва не сорвавшееся признание - он не поверит, только рассмеётся в лицо, как его братец, и бесполезно что-то объ-яснять. Ко всему Агна ушла из княжества, выбрав себе иную стезю, и о том, что она - княжна, забыть уж нужно, и не вспоминать при первой угрозе её жизни.

И такое бессилие накатило, что губы её задрожали предательски, и вместе с тем дрожь прокатилась по плечам от осознания близости мужчины, того, что княжич всё ещё держит её железной хваткой. Агна ощутила вдруг под своими ладонями бугрящиеся мышцы рук Ана-рада и запах его тела, пропитанный ароматом вяза - чуть горький и терпкий на вкус: он оку-тал, дурманя, просачиваясь под самую кожу, крепостью тягучей пробираясь в кровь, разгоняя напором по телу.

И не успела она ничего понять, Анарад, будто ощутив что-то тоже, глаза сузил, поднимая подбородок, будто разглядеть её внимательней пытался. Его руки сползли ниже - к локтям, а по телу, будто горячие струйки потекли вслед за его движением, их тепло обволокло до дрожи и упоения, скользя по ставшей чувствительной коже. Он притянул Агну к себе почти вплот-ную, и она не могла препятствовать тому - настолько неведомые доселе чувства завладели ей. В следующий миг - кто бы мог подумать! - навис тучей тёмной, поймал её губы, жадно вдавливаясь в них жёстко, порывисто, несдержанно. Агна назад отступить попыталась, а из груди вскрик рванулся, который княжич заглушил разом, сковав затылок ладонью, плотнее вжимаясь в губы, сминая и прикусывая, в себя втягивая, дико, необузданно - это даже поцелуем назвать нельзя было, а нападением, против которого Агна проиграла с самого начала, сокрушённая его натиском.

Едва схлынуло ошеломление, как в глубине живота горячая волна всплеснула, обдавая жаром с ног до головы. Анарад вперёд качнулся, будто от хмеля крепкого, и когда он, нещадно

протолкнув язык в рот, перекрыл судорожные вдохи, Агна ощутила дробящую, разящую мощь его тела, которую уже успела познать. Она вливалась в неё холодными несдерживаемыми потоками, пока голова не пошла кругом, и в глазах не потемнело, и упала бы, если бы княжич до сих пор её не придерживал, прожигая ладонью поясницу. Агна и сама не поняла, в какой миг стала отвечать на поцелуй, а как опомнилась, сжала вмиг вспотевшие ладони в кулаки, ударила его в каменную грудь, но он только напористой заскользил губами, срывая её дыхание с губ, сминая неуголимо. Тогда Агна сомкнула зубами мягкую губу княжича. На языке вмиг солоно стало.

- Волчица дикая, - прошептал он глухо, дыхание его горячее прокатилось по влажным губам, растекаясь по лицу.

Агна видела, как стремительно набежала капелька крови на его губе, видела, как грудь вздымалась широко и обрывисто - с него всё ещё не сошёл пыл, а глаза потемнели омутами, так, что она будто в проруб ледяной нырнула, он с новой силой сковал её, впился в губы ещё безумнее.

- ...Пусти же, - прошептала Агна в ответ, и голос её, что писк комариный - слабый и неуверенный.

И в самом ли деле хочет, чтобы пустил - всё замутилось, закрутилось. Но как ни странно, просьба её была услышана. Княжич будто очнулся, как от морока, только в глазах его не гнев, который она ожидала увидеть - буйствовало в нём смятение и даже растерянность. А потом вдруг так же неожиданно, как и набросившись миг назад, выпустил резко, отталкивая прочь от себя вглубь хоромины, оправляясь, дыша рвано, втянул туго через узкие ноздри воздух, попятился назад. Сжал плотно челюсти, глянув остро, прохладно, как и прежде. Оглушённая собственным биением сердца, Агна смотрела на него, а он на неё.

Анара́д, первым ожил, развернулся и вышел, дверью грохнув. По другую сторону противно брякнул засов железный.

«Что это?!» - звенела в ушах.

Но как ни злись, пытаясь выкинуть случившееся недоразумение, а губы саднило, и пылали они налившимся жаром, а в животе тугим узлом скрутилось томление, наливая тяжёлым огнём всё тело, да и воздух вокруг будто вихрился невидимыми потоками, и запах княжича вместе с буйством его неугомонным давил, поднимая в ней новые волны головокружения.

Запер её всё же. Агна, придя в себя, бросилась к двери, плечом толкала - да толку. Только больно ушиблась - резь лопатку полоснула. Тогда Агна кулаками с отчаяния ударила о дубовые доски, задышала надрывно и тяжело, но, сколько ни билась, а ноги и руки отниматься от бессилия стали - не выйти отсюда.

- Groшко! - гаркнул голос Анара́да откуда-то снизу, как из глубин колыхнулся. - Принеси её вещи.

Агну трясло нещадно, и такого гнева она не испытывала ещё никогда, хотя не должна допускать до своего сердца губительные чувства, а не получалось - напрасны все эти уроки Воймирко, раз вывести из себя могут так легко. Губы горячие пальцами тронула - возмущение запоздало да хлестнуло через край, да только ничего уже нельзя поделать.

Постепенно буря униматься начала, хотя перед глазами всё плыло и гуляли всполохи багряные, по-прежнему сотрясало грудь дыхание рваное и сердце трепыхалось, что рушник на ветру - того гляди сорвётся. Никто никогда не поступал с ней так, никто не касался, даже Красен из Ледницы, уж как он ни пытался сорвать поцелуй.

Агна ещё долго стояла возле двери, не зная, чего ждёт - передумывать княжич явно не собирался. Стихли все звуки, тишина повисла, что в склепе пещерном.

Смахнув с лица выбившиеся из косы пряди, Агна развернулась, оглядывая туманным от пылкой спеси взглядом своё заточение.

Хоромина была просторной, обычной, как и в каждом тереме: лавки по стенам пустые, стол под окнами да сундук, пол - голые доски. И тепла тут меньше, чем внизу - похоже, здесь

никто не жил. Агна прошла к окнам: большое заперто ставнями наглухо, волоковые прорубы, что были приоткрыты, запуская в хоромину немного света дневного. Агна прошла к крайнему, открыла его шире - прохлада мазнула по нещадно горящим щекам, потекла по коже, успокаивая.

С такой высоты был виден край детинца и люди, что воробьи. А дальше за стенами высокими - серые дали под тяжёлым хмурым небом. Засыпала земля, и тепло Хорса мудрого таяло теперь с каждым днём, покроется скоро всё ковром белым, скуёт лёд реки, и небо застынет неподвижно - только в стенах и сидеть. Если бы ни княжичи, перезимовали бы они с Ерией ещё одну зиму в Ледницах, а теперь что будет дальше, какую соткёт для неё Макошь нить - долю или недолю? Только радостного пока Агна ничего не видела, и затягивается льдом будущее неизвестно на сколько ещё дней, седмиц...

Тревожно внутри сделалось, едва Агна коснулась мыслями Воймирко, сердцем потянувшись к нему. Не приведите Боги, если он попадётся на пути у этих стервятников - уж в том, что опасны они, Агна убедилась окончательно. И когда ненастье внутри утихло, вспомнила Агна, о чём рассказали ей братья. И как же так вышло, что Коган врагами им стал? Хуже и представить сложно - заслужить немилость у волхвов. Пусть сами разбираются, она ничем им помочь не сможет, как и Воймирко. Но не давало Агне покоя одно - выходит, жрец знал князя из Роудука? Никогда он не заговаривал о том. Хотя с чего должен? Ведь её его прошлое не должно касаться. Всё правильно.

Агна не знала, сколько так простояла у окна, но лицо и нос замёрзли, а небо постепенно выцветать и темнеть начало - уходит око по небоскату. Агна обернулась - в заточении её совсем сумрачно, и радовало одно - печи всё же душок жаркий наполнил хоромину. И такая тишина стояла, что казалось, кроме неё в тереме и не было больше никого. Может, о ней и вовсе забыли.

Но ждать пришлось недолго - вскоре послышалась возня за дверью, задвижка снаружибрякнула и створка открылась. Агна уж испариной успела покрыться, схватившись за рукоятку ножа, но волноваться не стоило - внутрь вошла молодая чернавка, а за ней - Грошко с ворохом меховых покрывал. Вместе вошли они в клеть: чернавка к столу - водрузив всё, что было у неё в руках на него, бросила на Агну взгляд, будто обиженный и скрылась. Грошко топтаться не стал - оставив тёплые вещи, наружу выскользнул. А скоро вернулись обратно с бадейкой воды и ковшами. И что же выходит? Надолго её тут запер княжич?

Агна прошла к бадье, зачерпнула - пить хотелось страшно. Прохладная свежая вода принесла облегчение. И на дверь покосилась - бежать бы прочь, да её поймают тут же, едва она порог переступит - только ещё больше раззадорит. Чернавка молча следила за ней, ничего не спрашивала, не тревожила, постель на ночь застилала мягко, принялась снедь на столе раскладывать. Съестной дух тут же разнёсся пирогами печёными, брусничкой сладкой, и в животе скрутило от пустоты - весь день ни кусочка в рот не положила.

Серые с тёмной каймой глаза чернавки изучали всё её, видно, она была самая жалостливая из тех, что жили здесь.

- Спасибо, - поблагодарила Агна за помощь, вернула ей ковш, когда она лучины маслянистые подожгла. - Как зовут тебя?

- Мелицей кличат, - свободно отозвалась та, наливая в плошку молока вечернего парного.

- Знаю, что привезли тебя княжичи наши с земель дальних. Правда, что жрица ты? - вдруг спросила, оставив крынку и к столу призывая.

- Ещё не жрица, но в волховстве ведаю, - ответила Агна, нехорошо, что про это будут знать все кто не попадя, но сблизиться сейчас с кем-то нужно было и даже необходимо.

Глаза чернавки загорелись разом, и лицо её всё оживилось.

- И судьбы видишь? - осторожно спросила, да любопытства не смогла сдержать, рушник, лежащий на плече, комкая.

- Если матушка-пряха позволит, можно и посмотреть, - села Агна на скамью, и не успела чернавка засыпать её вопросами, Агна опередила её: - Для этого особый день нужен, - предупредила она, давая той понять, что согласна подсобить, но не ныне - сегодня уж насмотрелась вдоволь...

- Поняла, всё поняла, - залепетала Мелица, оживившись сильнее.

- А где же сами княжичи? - спросила Агна, отпивая молоко, сладкое, как яблоки палые.

- Здесь они, в стенах.

- Кто же указ дал еды мне принести?

- Княжич Воротович.

Ясно. И как бы с души плохо не сотворилось, а есть всё же хотелось, и силы ей ещё нужны будут, а отказываться от угощений прока не будет всё одно, только себе вред.

- Давно ты тут в хозяйстве помогаешь? - продолжила любопытствовать Агна, откусывая тесто горячее и обжигаясь.

- Третья зима подходит.

Агна перестала жевать, нахмурилась - не так и много, но всё равно, наверное, знает что-то о Когане, наслышана, поди. Только вот спросить как, чтобы не спугнуть. Агна всё искала слова, шаря глазами по простому лицу чернавки, как за дверью вдруг грохот раздался - кто-то по лестнице подниматься стал. Мелица к двери повернулась.

А в следующий миг зашёл и младший княжич, низко голову приклонив под притолокой, одним едким взглядом смахнул чернавку к двери, что, позабыв обо всём, испарилась, как и не было её.

- Ты сиди, кушай, наверное, за весь день проголодалась, - осадил он Агну, едва только так поднялась с лавки, держа его взглядом на месте, да тот у себя дома был, а потому свободно прошёл вглубь.

И что же за день сегодня такой! Агна незаметно рукой в складки платья скользнула, нащупывая рукоять холодную, ладонь так и прилипла к ней, и пальцы задеревенели в ожидании.

- Тебе что нужно?

- Ничего, пришёл узнать да посмотреть, как ты тут. - Верно, издевался открыто, внутри вновь принялось kloкотать всё. - А ведь я тебя предупреждал, что не стоит идти тебе против Анарада.

- Ты, если по делу, княжич, то говори, что тебе, а если нет - уходи.

Взор Вротислава застыл на миг, он усмехнулся краешком губ, встряхнув волосами русыми.

- И по делу, и нет. Понравилась ты мне.

Агна сглотнула, не зная, что и ответить. Вротислав спокойным выглядел, и язвить в ответ не собирался, как утром было, словно снял с себя чужую личину, превратившись в юношу простого с мягкими чертами и глазами дымно-голубыми.

- Я не стану выдавать служителя Велесу. Если он не желает вас знать, значит, на то были веские причины - забыть о Роудуке.

Вротислав вздохнул как-то устало.

- Значит, всё же признаёшь, что жрец сбежал.

- Нет, не признаю, - твёрдо ответила.

- Не простая ты девица, Агна, - сощурил он глаза в точности, как Анарад делал, когда заподозривал что-то, и то был недобрый знак. - Разговариваешь, будто на равных... Откуда ты пришла такая? Ведь не из Ледниц родом.

Агна опешила, растерявшись, ладонь, сжимающая рукоять вспотела, потрескивали лучины, что заливали хоромину светом - на улице уже потемнело. Признаться кто она? Но что-то не правильное в том было: он пришёл один разговаривать, в простой рубахе, разве что

вышивкой густо украшен ворот и рукава, подвязанный поясом, штаны суконные тёплые в сапогах низкой щиколоткой из мягкой кожи. Если и нужно было говорить, кто она, то им обоим.

- Поздно уже. Я устала, - начала поднимать Агна, как княжич сделал в её сторону шаг, потом ещё, и, не успела она глазом моргнуть, возле неё оказался. Агна мгновенно выпростала руку вперёд, холодно сверкнуло острее отцова подарка, упираясь прямо под подбородок княжичу.

- Речи ведёшь ты толковые... - проговорила она, держа княжича на расстоянии.

Вротислав вниз глянул на гладкий клинок, не шевелясь.

- ...Только с поступками они разнятся, сильно.

Вротислав вернул на неё взгляд, губы его в ухмылке поползли.

- А чем тебе поступки мои не нравятся? Приласкать хочу всего лишь, согреть - разве есть в том что-то плохое? Сколько твоему Воймирко? Уж, верно, седина в броду, а ты - девка молодая, и страсти хоть ковшом черпай.

- Что ты говоришь?

- Не прикидывайся, что не брал он тебя.

Во рту даже горько стало, и затошнило разом от слов его мерзких. Княжич пошевелился было, и Агна лезвие плотнее упёрла.

- Уходи.

Вротислав фыркнул, отступил, оставляя попытки приблизиться.

- Доброй ночи тебе, - ответил он и, развернувшись, к двери пошёл, не забыв створку затворить и засов замкнуть.

Агна так и осталась стоять, сжимая нож в дрожащих пальцах, а в глазах всполохи густо алые, и щёки запекло - обжечься как от углей можно.

Глава 5

Глава 5

Утро было ещё прохладнее, чем вчера, ворочались хмуро на небе всё те же серые облака, дрожали от ветра почти голые ветви деревьев. Детинец внизу погружался в дымное марево - время костров. Анарад скользнул рукой к шее, сомкнул пальцы на витой гривне - прохладное железо обожгло. Наверное, он вчера сильно напугал лесную жрицу, но по-другому не мог поступить. Вчера такой гнев в нём клубился, что почти не отдавал отчёта в том, что делал. И этот поцелуй... Тогда его что-то толкнуло изнутри - Анарад сам не понял, в какой миг утонул в этих синих глубинах, столько борьбы в них, беспокойствия, и этот её запах тягучий и дурманящий, как липа цветущая, и подрагивающие от возбуждения губы сочные, будто вишни спелые, мягкие и такие сладкие, невыносимо упоительные, и сбившееся дыхание... Нет, он этого всего не ожидал. Растерянность оглушила его, а потом и парализовало от того, как сильно и остро в нём всплеснуло желание.

И болели нещадно мышцы. Вчера он после разговора с Агной отправился на ристалище, до одури махал мечом, разминаясь, лишь бы сбросить это безумство, выместить пыл, иначе... Иначе он бы вернулся и продолжил то, что начал, подчиняясь неведомо какой силой, о которой раньше не знал в себе. Но то, что это волчица смогла взбудоражить его одним взглядом, так, что кровь вскипела и ум помутился, будто на край пропасти вступил - это удивило его не меньше, как и то, что смог найти в себе силы и оставить её. В эту ночь он думал пойти к Домине, но так и не сделал этого, и это совершенно запутало его - Домина могла утолить даже самый острый его голод. Но, зная, что в его доме она, это упрямая дикарка - сидит взаперти и ждёт проклятого жреца, думает о нём и, наверное, хочет...

Анарад отошёл от окна, потушил горящий фитиль пальцами - уже достаточно рассвело. Белёсый утренний свет окутал его, стоящего недвижимо в глубине хоромины. Она здесь, в стенах, заперта и одинока. И запах... Этот одуряющий и напрочь вышибающий ум запах... И почему думает о ней, ведь кроме брезгливости, что она поднимает подол этому Воймирко, не должна вызывать ничего.

Анарад тряхнул головой, выбрасывая это навязчивое болезненное наваждение. Если и дальше он будет слишком часто вспоминать её - он точно рехнулся или поддался проклятию. И это был весьма скверный знак. Сегодня должен вернуться Найтар. Придётся рассказать о жрице. И чувствовал Анарад, что князю это не понравится, да и ему не нравилось, но вышло, как вышло - он должен добраться до Воймирко.

Таких упрямцев он ещё не видывал в своей жизни. Ишь, нашлась, с князем хочет разговаривать! И откуда столько заносчивости в девке простой? Да и не простой с другой стороны - жрицей как-никак. Пусть посидит, может, уймётся, хотя в это уже и не верилось. Даже сейчас, когда она от него за стенами, ощущение её губ всё касалось его губ, и земля уходила из-под ног, от чувства падения скручивалось, немея, нутро. Проклятие! Может, наворожила чего! Хотя ещё кто кого, этот Воймирко с уст её не сходит, за него стеной выросла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.